
HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY

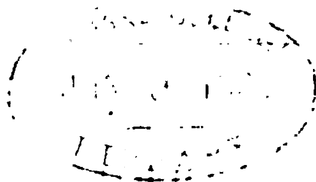

VE RI TAS

Проф. Б. В. Варнеке.

ЖЕНСКІЙ ВОПРОСЪ
на
АѲИНСКОЙ СЦЕНѢ.

Рѣчь, составленная для годичнаго акта Императорскаго Казанскаго Университета 5 ноября 1905 г.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1905.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Казанскаго Университета.

Ректоръ *Н. Любимовъ.*

М. Г.

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ филологъ, которому суждено было впослѣдствіи занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду представителей этой науки, заканчивая свою блестящую характеристику аѳинскаго государства, указалъ на то, что и „теперь мы все еще трудимся надъ разрѣшеніемъ тѣхъ самыхъ общественныхъ и юридическихъ проблемъ, которыя впервые выдвинули и пытались разрѣшить по своему аѳиняне“ [1]).

Какъ извѣстно, одной изъ такихъ проблемъ является для современнаго человѣчества все еще не разрѣшенный вопросъ о взаимоотношеніяхъ мужчины и женщины какъ въ предѣлахъ частной семьи, такъ и на просторѣ общественно-государственной жизни. Нѣтъ ни одной страны въ современной Европѣ, гдѣ бы этотъ вопросъ не составлялъ предмета наиболѣе напряженныхъ заботъ какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и самого правительства, и можно думать, что пройдетъ еще не мало времени, прежде чѣмъ будетъ найдено и осуществлено его окончательное рѣшеніе [2]). По крайней мѣрѣ, то

---

[1]) *U. von Wilamowitz.* Von des Attischen Reiches Herrlichkeit. Aus Kydathen. Berlin. 1880 p. 46.

[2]) Современное положеніе этого вопроса лучше всего установлено и опредѣлено въ статьѣ проф. *В. М. Хвостова:* Женскій вопросъ съ точки зрѣнія нравственной философіи. Научное Слово 1905 № 1 стр. 90—109. Судьбу женскаго вопроса въ древности изучали: *Jvo Bruns*: Frauenemanzipa-

положеніе, въ какомъ мы его застаемъ 25 вѣковъ тому назадъ въ Аѳинахъ, мало чѣмъ отличается по существу и отъ современной его формы. Уцѣлѣвшіе отъ того времени литературные памятники составляютъ первую страницу въ исторіи женскаго вопроса и это придаетъ имъ особенную цѣнность. Я долженъ однако предупредить васъ, что этими памятниками являются три комедіи Аристофана и это дѣлаетъ ознакомленіе съ дѣйствительнымъ положеніемъ вопроса чрезвычайно затруднительнымъ, требуя отъ историка особенной осторожности.

Предположимъ, что вмѣсто этихъ трехъ комедій Аристофана нашъ матерьялъ составляли бы философскіе трактаты, законодательные акты или даже какое-нибудь эпическое произведеніе. Опредѣливъ степень достовѣрности такихъ матерьяловъ и установивъ ихъ взаимоотношеніе, мы получили бы совершенно точную и вѣрную картину вопроса путемъ простой передачи содержанія этихъ памятниковъ. Простота и научная безопасность такой задачи для историка не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Въ примѣненіи къ комедіямъ подобный пріемъ явился бы крупнѣйшей ошибкой и менѣе всего привелъ бы къ возсозданію вѣрной картины.

Комическій поэтъ, да еще такой талантливый, какъ Аристофанъ, менѣе всего заботится объ исторической правдѣ: его дѣло не изображать событія, а высмѣивать ихъ, и чѣмъ больше шаржа, карриватуры и преувеличенія внесетъ онъ въ свой рисунокъ, тѣмъ сильнѣе будутъ смѣяться зрители и тѣмъ скорѣе отдадутъ ему призъ побѣдителя.

---

tion in Athen. (перепечатано въ посмертномъ сборникѣ его статей Vorträge und Aufsätze. München 1905 pp. 154—193) и *В. П. Бузескулъ* Женскій вопросъ въ древней Греціи. Харьковъ 1905. Обѣ эти статьи стали для меня доступны уже по составленіи этой рѣчи.

Для этого ему надо накладывать особенно густыя краски не на тѣ стороны событія, которыя въ дѣйствительности являлись наиболѣе важными, а на тѣ незамѣтныя съ перваго взгляда трещины, которыя только зоркій глазъ юмориста и сатирика могъ усмотрѣть въ томъ или другомъ общественномъ движеніи. Такой пріемъ, необходимый по самому существу комическаго творчества, заставляетъ историка очень осторожно пользоваться комедіями и менѣе всего видѣть въ нихъ изображеніе дѣйствительности. Иначе мы рискуемъ внести въ исторію такія событія и подробности, которыя на самомъ дѣлѣ существовали только на языкѣ злыхъ насмѣшниковъ, менѣе всего склонныхъ обуздывать полетъ своей остроумной фантазіи [1]).

Какъ ни сильны тѣ измѣненія, которымъ подвергается то или другое явленіе, отражаясь въ зеркалѣ комедіи, все-таки всякій шаржъ, всякая каррикатура только тогда могутъ разсчитывать на успѣхъ, когда дѣйствительность заключала въ себѣ хотя бы малѣйшій для нихъ поводъ [2]). И вотъ въ зависимости отъ этого задача историка состоитъ при изученіи комедіи не въ слѣпомъ довѣріи къ ея сообщеніямъ, а въ опредѣленіи той почвы, на которой могли вырости эти полные шаржа и самого беззастѣнчиваго преувеличенія образы.

---

[1]) Тѣмъ не менѣе сравнительно еще очень недавно историки Греціи не принимали во вниманіе такихъ соображеній и пользовались Аристофаномъ такъ же, какъ и любимъ точнымъ лѣтописцемъ. Для того, чтобы положить конецъ такому ненаучному пользованію источниками, понадобилась злая критика *H. Müller—Strübing'a* Aristophanes und die historische Kritik. Leip. 1873), гдѣ собрано очень много поучительныхъ въ этомъ отношеніи примѣровъ (см. стр. 38 и слѣд.) Ср. проф. *В. Бузескулъ.* Введеніе въ исторію Греціи, Харьковъ 1903 стр. 33 сл. *F. A. Blanck.* Charakteristik des athenischen Demos bei Aristophanes und Thukydides. Jahresbericht d. Obergymnasiumst, zu Stockerau. 1894—1895 p. 19.

[2]) По картинному выраженію Мюллера—Штрюбинга (l. l. p. 2) ein Nagel in der Wand stecken musste, an dem der Komiker sein lustiges Bild aufhängen konnte.

Историкъ долженъ прежде всего отдѣлить всю шелуху остротъ и каррикатуръ и съ величайшей осторожностью вылущить подчасъ очень глубоко таящееся подъ нею зерно исторической правды. Только принявъ такія мѣры предосторожности, мы можемъ приступить къ интересующимъ насъ пьесамъ Аристофана.

Изъ остатковъ его репертуара [1]) для насъ особенно интересны три: „Лисистрата", „Женщины въ народномъ собраніи" и „Женщины на праздникѣ Тесмофорій".

Первой по времени изъ этихъ комедій является „Лисистрата", поставленная въ 411 году [2]).

Пьеса открывается жалобой молодой прекрасной (см. ст. 7 и 1148) аѳинянки, Лисистраты: приглашенныя ею подруги собираются вяло [3]). Наконецъ появляется ея сосѣдка Калоника и спрашиваетъ, почему Лисистрата такъ печальна. Лисистрата раскрываетъ ей причину своей грусти: она мучится изъ-за женщинъ, которыя пользуются у мужчинъ такой дурной славой (9—11); и вотъ теперь ея подруги не собираются, хотя она ихъ предупредила, что будетъ обсуждаться весьма важный для нихъ вопросъ. Она долго думала и наконецъ нашла рѣшеніе, благодаря которому женщины могутъ явиться спасительницами всей Греціи. Если женщины захотятъ послѣдовать ея совѣту, то мужчины никогда не будутъ поднимать другъ противъ друга оружіе.

---

[1]) Изъ 44 написанныхъ имъ пьесъ до насъ дошло только 11. Отсюда является возможность, что и въ другихъ, теперь погибшихъ, пьесахъ Аристофанъ касался той же самой темы.

[2]) Зародыши идеи, положенной въ основу этой пьесы, кажется, надо видѣть въ «Ахарнянахъ», поставленныхъ въ 425 году, см. ст. 1058—1066.

[3]) На то же самое жалуется и Праксагора въ «Женщинахъ въ народномъ собраніи» см. ст. 18.

Между тѣмъ мало по малу начинаютъ собираться представительницы различныхъ областей Греціи. Свою бесѣду съ ними Лисистрата начинаетъ съ вопроса, не тоскуютъ ли онѣ по отцамъ своихъ дѣтей, которые ушли на войну: вѣдь у каждой изъ женщинъ война отвлекла мужа изъ дома (99—101). Въ подтвержденіе словъ Лисистраты собравшіяся женщины начинаютъ перечислять, гдѣ у каждой изъ нихъ мужъ несетъ военную службу.

Уже изъ этой сцены видно, что и эта комедія Аристофана служитъ развитіемъ той мысли, иллюстраціи которой онъ посвятилъ свою первую изъ дошедшихъ до насъ пьесъ:— „Ахарнянъ“, гдѣ поэтъ явился наиболѣе краснорѣчивымъ представителемъ той многочисленной партіи, которая тяготилась войной и не увлекалась воинственной политикой.

Эта проповѣдь мира, желаніе освободиться отъ всѣхъ ужасовъ и тягостей, принесенныхъ въ Аѳины затянувшейся Пелопонесской войной, проходитъ красной нитью чрезъ комедіи Аристофана, такъ часто проклинавшаго войну и ея неразумныхъ сторонниковъ (см. напримѣръ „Облака“ ст. 6). И наша комедія является развитіемъ этого же мотива, но эта ея сторона, для Аристофана б. м. наиболѣе существенная, для насъ имѣетъ второстепенное значеніе. Намъ важна не эта миролюбивая тенденція пьесы, а рамка, въ которую поэтъ вложилъ этотъ мотивъ; такою рамкой является заговоръ женщинъ противъ мужчинъ.

Лисистрата, убѣдившись, какъ страдаютъ ея подруги отъ войны, спрашиваетъ ихъ, согласны ли помочь ей прекратить войну. (V. 111—112): этотъ проектъ и далъ имя самой Лисистратѣ, которое погречески обозначаетъ прекратительницу войны. Женщины съ жаромъ заявляютъ о своемъ согласіи. Для того, чтобы избавиться отъ войны, онѣ готовы подвергнуть себя всевозможнымъ лишеніямъ: такъ страстно жаждутъ онѣ мира. (113—124). Онѣ готовы купить его цѣной даже своей жизни. Убѣдившись въ такомъ настроеніи

своихъ подругъ, Лисистрата предлагаетъ имъ отказывать въ благосклонности своимъ мужьямъ до тѣхъ поръ, пока не кончится война [1]).

Стоило только Лисистратѣ сдѣлать такое предложеніе, какъ доброе намѣреніе ея подругъ исчезаетъ и онѣ одна за другой начинаютъ уходить изъ собранія. Теперь она тратитъ все свое красноречіе для того, чтобы ихъ удержать и напоминаетъ имъ о только что заявленной готовности пожертвовать всѣмъ, только бы прекратилась война. Изъ переговоровъ оказывается, что женщины продолжаютъ такъ же сильно ненавидѣть войну, но только находятъ слишкомъ тяжелымъ для себя выполненіе проекта Лисистраты (ст. 125—142). Одна только представительница Спарты согласна и на это (142—145). Заручившись ея согласіемъ, Лисистрата начинаетъ убѣждать своихъ подругъ, что это лучшее и вѣрнѣйшее средство для полученія мира. Мало по малу ей удается убѣдить женщинъ, и онѣ соглашаются послѣдовать ея совѣту.

Кромѣ того, надо помѣшать мужчинамъ пользоваться флотомъ и захватить государственную казну, а для этого занять акрополь (176). Свое рѣшеніе женщины подкрѣпляютъ клятвой (212—236).

Вскорѣ появляется хоръ старцевъ для того, чтобы обуздать своеволіе женщинъ, недостатки которыхъ они подробно указываютъ. По мнѣнію одного изъ нихъ, въ этихъ

[1]) Это предложеніе облечено у Аристофана въ самую откровенную форму. Съ неменьшей откровенностью, недопустимой даже на самой свободной современной сценѣ, рисуетъ онъ и всѣ тѣ эпизоды, которые связаны съ осуществленіемъ предложенія Лисистраты. Такая беззастѣнчивость, допускаемая свободой нравовъ, господствовавшей въ современной Аристофану комедіи, объясняется не только происхожденіемъ этой комедіи изъ фаллическаго культа, но также и тѣмъ, что на представленія этихъ пьесъ семейныя женщины, повидимому, не допускались. См. *A. Müller*. Die Griechischen Bühnenalterthümer. Freiburg 1886 pp. 289—292, гдѣ собрана вся литература этого вопроса.

недостаткахъ виновати сами мужчины: зачѣмъ они такъ баловали женщинъ и сами способствовали развитію ихъ страсти къ роскоши (403—419).

На всѣ эти нападки отвѣчаетъ одна изъ женщинъ: „хотя я родилась женщиной“, говоритъ она, „не завидуйте мнѣ, если я предлагаю нѣчто лучшее современнаго положенія вещей. Я имѣю право на общественное достояніе потому, что даю государству гражданъ, тогда такъ мужчины только тратятъ унаслѣдованныя богатства и не платятъ повинностей“ (649 — 655). Такими доводами она доказываетъ свое право давать государству полезные совѣты (648).

Подъ перомъ комическаго поэта событія идутъ съ головокружительной быстротой: женщины не только сдержали свою клятву [1]) но успѣли истомить мужчинъ своимъ упорствомъ [2]). Изъ Спарты [3]) является парламентеръ для веденія мирныхъ переговоровъ (984). Затѣмъ являются еще новые послы изъ Спарты и по одному ихъ наружному виду зрителямъ становится ясно, какъ необходимъ для нихъ миръ (1078 sq.). Для переговоровъ о немъ они обращаются къ Лисистратѣ. Къ нимъ присоединяются и аѳиняне (1102—1104). Одна Лисистрата можетъ устроить перемиріе. Она командуетъ мужчинами, обнаруживающими теперь полную покорность (1114—1123) и произноситъ слѣдующую рѣчь: „хотя я и женщина, но все таки у меня есть умъ; и сама по себѣ я разсуждаю не плохо, да еще я слушала много рѣчей моего отца и другихъ пожилыхъ лицъ и отъ нихъ достаточно научилась“.

---

[1]) См. однако ст. 715—727.

[2]) См. сцену между Миррриной и ея мужемъ ст. 833—958.

[3]) Это государство выбрано Аристофаномъ не случайно: для его зрителей, истомленныхъ такъ страшно затянувшейся войной со Спартой, было особенно пріятно увидать на сценѣ спартанца, пришедшаго въ Аѳины просить о мирныхъ переговорахъ.

Собравъ васъ здѣсь, я хочу васъ побранить, и подѣломъ: намъ угрожаютъ иноземные враги, а вы, греки, губите другъ друга и уничтожаете родные города". Затѣмъ она упрекаетъ спартанцевъ: имъ нѣкогда помогли аѳиняне, когда у нихъ было затрудненіе съ Мессеніей, и въ благодарность за такую помощь они теперь опустошаютъ землю аѳинянъ. (1137—145). Спартанцы признаютъ справедливость упрековъ Лисистраты (1148).

Но она обвиняетъ и своихъ согражданъ, которые теперь воюютъ съ спартанцами, забывъ о томъ, какъ помогли имъ послѣдніе свергнуть ненавистное иго писистратидовъ (1149—1158) и вотъ теперь оба народа, связанные взаимными услугами, всетаки воюютъ (1161). Она приглашаетъ представителей и той и другой стороны къ уступкамъ, тѣмъ болѣе, что они тоскуютъ по мирнымъ занятіямъ (1173—1174), и для этого имъ нужно заключить перемиріе (1175). Ей удается уговорить противниковъ примириться и пьеса кончается всеобщимъ весельемъ по поводу предстоящаго прекращенія ненавистной войны со всѣми ея ужасами.

Черезъ двадцать два года Аристофанъ снова [1]) отдалъ женщинамъ первое мѣсто въ своей комедіи „Женщины въ народномъ собраніи" (Экклесіасусы), поставленной на аѳинской сценѣ въ 389 году.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этой комедіи является опять молодая и красивая аѳинянка (ст. 427, 428) по

---

[1]) См. *Ѳ. Ф. Зѣлинскій.* Ж. М. Нр. Пр. 1883 № 4 стр. 169: «главная мысль одна и та же въ обѣихъ драмахъ—что только женщины могутъ спасти городъ отъ окончательной погибели. Даже во второстепенныхъ мотивахъ Аристофанъ здѣсь нерѣдко повторяется. Разница только въ томъ, что тамъ Лизистрата во главѣ своего женскаго войска силой овладѣваетъ Акрополемъ, здѣсь же Праксагора и остальныя женщины,... присутствуютъ при засѣданіи народнаго собранія и вполнѣ законнымъ способомъ рѣшаютъ передать женщинамъ высшую власть.

имени Праксагора. Она наслушалась рѣчей аѳинскихъ риторовъ и теперь хочетъ воспользоваться ихъ уроками для блага всего государства (ст. 244).

По ея предложенію женщины устраиваютъ свое народное собраніе въ противовѣсъ народному собранію мужчинъ, на которомъ они дѣлаютъ такія неудачныя постановленія, что можно думать, будто они ихъ сдѣлали въ пьяномъ видѣ (137—139). Наоборотъ, женщины наиболѣе способны обсуждать государственныя дѣла [1]) (110—114, гдѣ устраняется возраженіе одной скептически настроенной аѳинянки въ чисто аристофановскомъ вкусѣ). Въ своей вступительной рѣчи Праксагора заявляетъ, что она удручена тягостнымъ положеніемъ родного города. На его долю всегда выпадаютъ плохіе руководители и, если кто-нибудь изъ нихъ на одинъ день окажется хорошимъ, то зато цѣлыхъ 10 дней онъ бываетъ плохъ. Обратиться къ другому—такъ этотъ надѣлаетъ еще больше бѣдъ (174—179). Затѣмъ она подвергаетъ безпощадной критикѣ внутреннюю и внѣшнюю политику аѳинянъ (180 сл.). Для того, чтобы избѣжать этихъ неурядицъ, надо поручить управленіе дѣлами государства женщинамъ подобно тому, какъ онѣ распоряжаются всѣмъ и завѣдуютъ деньгами въ предѣлахъ отдѣльныхъ семействъ (210—212), тѣмъ болѣе, что женщины въ нравственномъ отношеніи стоятъ выше мужчинъ, не обнаруживая чрезмѣрнаго пристрастія къ новшествамъ (214—298). По увѣренію Праксагоры, всѣ будутъ жить счастливо, если будетъ принято ея предложеніе (239—240 ср. 559—568). Предложеніе Праксагоры принято (455—464) и ее выбираютъ на отвѣтственный постъ стратега (245). Облеченная этимъ высокимъ саномъ Праксагора даетъ граж-

[1]) Отъ Амфида до насъ дошли отрывки комедіи «Власть женщинъ». Вѣроятно, и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ одной изъ предшественницъ извѣстной оперетки «Женское царство», которая является однимъ изъ отдаленнѣйшихъ потомковъ разсматриваемой комедіи Аристофана.

данамъ цѣлый рядъ поставленій, которыя, по ея мнѣнію, могутъ принести государству только одну пользу (583). Прежде всего она высказывается за всеобщее равенство гражданъ, которое должно устранить различіе по имуществу, такъ что въ ея идеальномъ государствѣ не должно быть ни богачей ни бѣдняковъ (590—591) и всѣ будутъ обладать одинаковыми земельными надѣлами, причемъ земля должна перестать быть частнымъ владѣніемъ и сдѣлаться общественнымъ достояніемъ (598). Нужда тогда не будетъ являться побудительницей къ труду, такъ какъ всякій будетъ владѣть всѣмъ необходимымъ (605). Вмѣстѣ съ этимъ исчезнутъ и всѣ пороки и преступленія, въ основѣ которыхъ лежитъ зависть и корысть (ст. 665, 670, 672 и др.). Кромѣ частной собственности, въ этомъ государствѣ будущаго должны отойти въ область преданія и семья, потому что связь и женщинъ (614) и дѣтей (607) должна уступить мѣсто принадлежности только къ общинѣ [1]).

Этотъ проектъ Праксагоры, проведенный у Аристофана умышленно во всѣхъ мелочахъ съ чрезмѣрной послѣдовательностью, несомнѣнно, имѣетъ ближайшую связь съ тѣми поисками лучшаго будущаго, которыя являлись необходимымъ послѣдствіемъ самого демократическаго строя аѳинскаго государства [2]).

Его отдѣльные пункты окрашены типичными особенностями античнаго міросозерцаніями [3]), а въ цѣломъ видѣ

---

[1]) Ср. Эврипидъ «Протесилай» fr. 653. Лукіанъ «Бѣглецы» 18.

[2]) См. *R. Pöhlmann*. Die Anfänge des Socialismus in Europa. Historische Zeitschrift. 43-ій томъ 1897 г. стр. 391, 394 сл.

[3]) Особенно любопытенъ тотъ пунктъ, въ силу котораго въ будущемъ государствѣ вся работа снимается съ гражданъ и возлагается исключительно на рабовъ (651), этихъ несомнѣнныхъ предшественниковъ пара и электричества, которымъ въ современныхъ политическихъ утопіяхъ отводится та же самая роль.

онъ получаетъ чрезвычайную историческую цѣнность, какъ родоначальникъ тѣхъ безчисленныхъ общественныхъ утопій, въ которыхъ до сихъ поръ ищетъ успокоенія и отдыха недовольное человѣчество [1]). Проводя идею равенства съ исчерпывающей послѣдовательностью на всѣ рѣшительно стороны какъ общественной, такъ и частной жизни, Праксагора внесла такія подробности, которыя при осуществленіи тутъ же на сценѣ (877—1111, иллюстрація постановленія, выраженнаго въ ст. 1015—1020) явились злой и разрушающей критикой всего проекта Праксагоры. Для непредубѣжденнаго аѳинскаго зрителя эти сцены, быть можетъ, составляли наиболѣе пріятную и цѣнную часть пьесы, равно какъ онѣ нисколько не утратили своего интереса и для современнаго читателя, для нашей же цѣли онѣ не имѣютъ рѣшительно никакого значенія.

Историческая цѣнность этихъ пьесъ стоитъ внѣ всякой зависимости отъ степени подготовленности аѳинскаго народа къ правильной и безпристрастной оцѣнкѣ такихъ сложныхъ общественныхъ явленій.

Какъ бы причудливы и своевольны ни были эти созданія фантазіи Аристофана, такъ охотно окружавшаго явленія дѣйствительности чисто сказочной обстановкой, (см. его „Птицы“) всетаки онъ нуждался въ какихъ-нибудь событіяхъ, которыя могли бы составить фонъ для его фантастическихъ рисунковъ. Для нашихъ пьесъ такимъ фономъ могло явиться

---

[1]) Съ этой точки зрѣнія онъ разсмотрѣнъ въ другой статьѣ того же Пельмана; Die sociale Dichtung d. Griechen. N. Iahrbücher f. d. Klassische Altertum. I. 1898 pp. 31—37. Жаль только, что вмѣсто строго научнаго анализа авторъ здѣсь далъ волю печальной страсти къ остроумничанію и издѣвательству, составляющей роковую принадлежность весьма многихъ работъ современныхъ нѣмецкихъ историковъ. Тщетная погоня за остроумными словечками и соперничество съ газетными фельетонистами лишаютъ эту работу того почетнаго мѣста, на которое она имѣетъ безусловное право въ виду исключительной эрудиціи автора.

только такое движеніе среди аѳинскихъ женщинъ, которое надо относить ко времени близкому къ появленію этихъ пьесъ. Вторая изъ нихъ устраняетъ всякое сомнѣніе, что Аристофанъ не устоялъ отъ соблазна выставить въ смѣшномъ видѣ такое движеніе, въ которомъ онъ, по самому складу своего характера недовѣрчиво относившійся ко всякому смѣлому нововведенію, не могъ не найти пищи для своихъ насмѣшекъ. Такъ же должны были отнестись къ этому движенію и единомышленники Аристофана, представители жизнерадостной аѳинской молодежи [1]). Безпощадные взмахи сатирическаго бича Аристофана должны были упасть на тѣхъ женщинъ, которымъ, очевидно, къ тому времени стало уже не въ моготу только отмалчиваться отъ постоянныхъ презрительныхъ выходокъ со стороны мужчинъ и которыя наконецъ рѣшили поднять свой голосъ и стали доказывать права женщинъ на лучшее положеніе какъ внутри семьи, такъ и въ самомъ государствѣ. Какъ увидимъ дальше, нашлись у нихъ и защитники и единомышленники среди самихъ мужчинъ.

Та нота недовольства, которая такъ рѣзко звучитъ въ обѣихъ пьесахъ, станетъ вполнѣ понятной, если отъ Аристофана обратиться къ болѣе ранней греческой литературѣ и ознакомиться съ ея отношеніемъ къ женщинѣ.

Здѣсь прежде всего надо остановиться на сравнительно большомъ стихотвореніи Семонида изъ Аморга, относящемуся къ седьмому вѣку до Р. Х. [2]); стихотвореніе это начинается [3]) съ указанія на то, что божество создало женщинъ не-

---

[1]) О томъ, что именно среди нея надо искать единомышленниковъ Аристофана см. *Мюллеръ—Штрюбингъ*. l. l. стр. 113 сл.

[2]) Въ русской литературѣ оно разсмотрѣно въ статьѣ проф. *А. Н. Деревицкаго*. Женщина въ изображеніи греческаго сатирика VII-го вѣка до Р. Х. *Ж. М. Н. Пр.* 1901 № 11 стр. 34—47, выводы которой здѣсь и переданы.

[3]) По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, оно дошло до насъ въ искаженномъ видѣ.

одинаково. Одна создана изъ свиньи—(2—6), другая изъ лисицы (7—11), третья—изъ собаки (12—20), четвертая изъ земли (21—26), пятая—изъ моря (27—42), шестая—изъ ослицы (43—49), седьмая—изъ ласки (50—56), восьмая—изъ лошади (57—70), девятая—изъ обезьяны (71—82) и десятая—изъ пчелы (83—91).

По этимъ группамъ расположены пороки женщинъ, причемъ отъ ихъ перечисленія получается очень мрачная картина, позволяющая поэту закончить свое стихотвореніе такимъ разсужденіемъ: „Зевсъ создалъ величайшее зло въ женщинахъ и если онѣ съ перваго взгляда и приносятъ какую-нибудь пользу, то всетаки очень плохо приходится тому, кто ими владѣетъ. Кто живетъ съ женщиной, тотъ не можетъ провести ни одного дня цѣликомъ въ хорошемъ настроеніи и съ трудомъ отвратитъ голодъ отъ дома; всякій разъ, когда мужъ бываетъ дома въ наилучшемъ настроеніи или по милости боговъ или изъ-за чьей-нибудь услуги, жена найдетъ какой-нибудь предлогъ и во всеоружіи вступаетъ въ брань. Даже гостя опасно принимать охотно въ домъ, гдѣ есть женщина. И если какая нибудь женщина кажется особенно скромной, та на самомъ дѣлѣ больше всего позоритъ своего мужа, который ничего не подозрѣваетъ, а сосѣди радуются, видя, что и этотъ попалъ въ просакъ. Помня объ этомъ, всякій будетъ хвалить свою жену и бранить чужую: вѣдь мы не знаемъ, что намъ всѣмъ выпала одинаковая доля. Вотъ какое величайшее зло создалъ Зевсъ“, заканчиваетъ поэтъ (92—115) [1].

Особенно плоха женщина, ведущая свой родъ отъ обезьяны. Всѣ граждане надъ ней смѣются. Шея у нея короткая,

[1] По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, эти стихи составляютъ особое стихотвореніе, но они вполнѣ умѣстны какъ теоретическій выводъ изъ предшествующихъ частныхъ примѣровъ.

двигается она съ трудомъ, никакихъ прелестей женскаго тѣла нѣтъ у нея. Несчастный мужъ, который долженъ заключать въ свои объятья такую напасть! Она знаетъ, какъ обезьяна, всѣ планы и пріемы и никакого вниманія не обращаетъ на насмѣшки. Она не думаетъ о томъ, какъ бы сдѣлать кому-нибудь хорошо, а цѣлый день только о томъ и помышляетъ, какъ бы кому-нибудь сдѣлать побольше зла. (71—82).

Несмотря на такое обиліе порочныхъ женщинъ, вмѣщающихъ въ себѣ всѣ виды зла, иногда Зевсъ удѣляетъ и добрую жену (92—95). Таковой является та, которая ведетъ свой родъ отъ пчелы. Нѣсколько строкъ отводитъ Семонидъ и ея изображенію. „Счастливъ по мнѣнію поэта, мужъ, получившій такую женщину себѣ въ жены [1]), она одна свободна отъ порицанія и вмѣстѣ съ ней процвѣтаетъ и богатѣетъ семья. До старости она сохраняетъ взаимную любовь своего мужа, принося ему прекрасное и славное потомство. Она выдѣляется среди всѣхъ женщинъ и вся окружена какъ-бы ниспосланной богами пріятностью и бывая въ обществѣ женщинъ, она не любитъ слушать соблазнительныхъ разговоровъ“ (здѣсь между строкъ надо видѣть указаніе на то, какія охотницы остальныя женщины до подобныхъ разговоровъ). Вотъ какими красками поэтъ рисуетъ свой идеалъ женщины, который тускнѣетъ отъ чрезмѣрнаго преобладанія тѣхъ мрачныхъ чертъ, которыми обрисованы всѣ остальныя женщины. Въ ихъ изображеніи Семонидъ не стоитъ одиноко; наоборотъ въ его стихотвореніи собранъ весь матеріалъ, который до него накопился въ созданныхъ самимъ народомъ присловьяхъ, поговоркахъ, крылатыхъ словахъ и басняхъ.

---

[1]) Очень распространена сентенція: нѣтъ ничего на свѣтѣ лучше хорошей и ужаснѣй плохой жены. См. Эврипидъ fr 78, 494, 1056, 1057. Софоклъ 621 *Наукъ*. Умѣренная точка зрѣнія у Эврипида fr. 657.

Почти каждая подробность этого стихотворенія можетъ быть дополнена весьма многочисленными параллелями изъ области народнаго творчества [1]). Самый пріемъ сопоставленія той или другой черты въ характерѣ человѣка съ соотвѣтствующимъ животнымъ составляетъ отличительный признакъ именно народной поэзіи [2]).

Это понижаетъ степень личнаго творчества Семонида, но въ тоже самое время придаетъ особенную историческую цѣнность всему стихотворенію, являющемуся въ такомъ случаѣ выразителемъ возарѣній всего греческаго народа.

Поэтому и появленіе въ немъ нѣкоторыхъ мыслей и образовъ, встрѣчающихся въ болѣе ранней литературѣ, надо объяснять именно этой общностью все того же народнаго источника, а не заимствованіемъ Семонида у своихъ предшественниковъ [3]). Интересно преданіе, сохранившееся у Гесіода и восходящее опять таки къ народному творчеству [4]).

Гефестъ создалъ женщину, это прекрасное зло. Она несчастье для смертныхъ людей [5]). Поэтому въ другой своей поэмѣ („Дѣла и дни" 373—375) Гесіодъ и предупреждаетъ своего читателя не довѣрять женщинѣ, хитрой обольстительницѣ, а кто довѣрился женщинѣ, тотъ довѣрился на самомъ дѣлѣ обманщицѣ.

---

[1]) Это и сдѣлано проф. Деревицкимъ въ указанной статьѣ, причемъ для сравненія привлечены матерьялы изъ области не только одного греческаго народнаго творчества.

[2]) *Л Колмачевскій.* Животный эпосъ на Западѣ и у славянъ. Казань 1882 стр. 5.

[3]) Какъ это относительно Гесіода, напримѣръ, предполагаетъ *E. Buchholz.* Anthologie aus den Lyrikern der Griechen. Leipzig 1900. p. 136 sq.

[4]) См. *А. Н. Деревицкій* стр. 38. Объ общественныхъ взглядахъ Гесіода см. въ указанной статьѣ *R. Pöhlmann.* Die Anfänge des Socialismus in Europa. pp. 416. 422.

[5]) Theog. 570—602.

Правда, лучше хорошей жены для мужчинъ не можетъ быть пріобрѣтенія, но зато нѣтъ ничего страшнѣе плохой.— Такая и безъ огня сожжетъ даже самого сильнаго мужа и приблизитъ его къ преждевременной старости (702—705).

Въ Одиссеѣ Агамемнонъ, разсказавъ про свою гибель отъ руки Клитемнестры, прибавляетъ: „нѣтъ другого существа, которое было бы такъ безстыдно и ужасно, какъ женщина (XI. 427"). И въ то же самое время у пѣвцовъ Одиссеи находятся розовыя краски, которыми они изображаютъ хорошихъ женъ въ родѣ царицы Феаковъ Ареты (VII 66—69 ср. XV 356—360. VI 180—185). Въ Иліадѣ Ахиллъ спрашиваетъ (IX 340—843): „развѣ одни Атриды любятъ своихъ женъ [1])? Всякій хорошій и разумный мужъ любитъ и заботится о своей женѣ".

Всѣ знаютъ сцену прощанія Гектора съ Андромахой и изображенныя въ ней отношенія супруговъ менѣе всего свидѣтельствуютъ о сплошномъ женоненавистничествѣ поэта. Образъ Андромахи окруженъ въ Иліадѣ такими нѣжными, чарующими подробностями, что сердечное къ ней отношеніе Гектора становится для читателя вполнѣ понятнымъ и вся эта сцена, вводящая читателя въ отрадную обстановку вполнѣ правильныхъ семейныхъ отношеній, невольно привлекаетъ къ себѣ наши сердца, а сама Андромаха является однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ женскихъ образовъ, созданныхъ міровой поэзіей. Въ Гомеровскихъ поэмахъ можно указать еще нѣсколько сценъ, которыя согрѣты такимъ же самимъ теплымъ и во всякомъ случаѣ миролюбивымъ отношеніемъ къ женщинѣ (напр. Одис. XXIII 210 сл.) и поэтому является вопросъ, можно ли разсматривать выше приведенное замѣчаніе Агамемнона въ одиннадцатой пѣсни Одиссеи какъ

---

[1]) Совсѣмъ напрасно внесъ отъ себя Гнѣдичъ здѣсь опредѣленіе «непорочныхъ». У Гомера этого весьма существеннаго ограниченія нѣтъ.

выраженіе женоненавистническаго настроенія автора поэмы [1]).

Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы ни былъ настроенъ самъ поэтъ, но развѣ могъ онъ приписать иное отношеніе къ женщинамъ Агамемнону, погибшему отъ руки своей коварной жены? Поэтому это мѣсто Одиссеи является выраженіемъ не міросозерцанія ея поэта, а психологически мотивированной характеристикой одного изъ ея героевъ. Итакъ въ Гомеровскихъ поэмахъ мы не слышимъ тѣхъ злыхъ нападокъ на женщинъ, которыя составляютъ чуть ли не обязательную принадлежность всей древнѣйшей греческой поэзіи. Это, на первый взглядъ странное, явленіе объясняется тѣмъ, что Гомеровскія поэмы создались не на материкѣ Греціи, а въ отдаленной Іоніи при совсѣмъ иномъ общественно—бытовомъ укладѣ жизни, отраженіемъ котораго онѣ и являются за вычетомъ тѣхъ многочисленныхъ позднѣйшихъ вставокъ, присутствіе которыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію и которыя поэтому не могутъ служить матерьяломъ для опредѣленія міросозерцанія среды, сложившей первоначальную основу теперешняго текста Гомеровскихъ поэмъ [2]).

---

[1]) Какъ это дѣлаетъ *J. Berlage*. Commentatio de Euripide philosopho. Lugduni Batavorum 1888 p. 186 sq.

[2]) *В. Бузескулъ*. Введеніе въ исторію Греціи стр. 27. *В. Ѳ. Коршъ* въ свое время отрицалъ существованіе рѣзкаго отличія Гомеровскихъ поэмъ отъ остальной греческой поэзіи въ ихъ отношеніи къ женщинѣ. По его мнѣнію, «уже одна ссора Агамемнона съ Ахилломъ изъ-за красавицы Бризеиды, которая переходитъ между ними изъ рукъ въ руки, какъ вещь, какъ добыча съ безропотной и страдательной покорностью неодушевленнаго предмета, показываетъ, что и Гомеровское время отнюдь не отличалось сознательнымъ уваженіемъ къ женской личности». (Вѣстникъ Европы. 1876 № 3 стр. 438). Однако и позднѣйшее время едва ли могло развить въ себѣ сознательное уваженіе и тѣмъ не менѣе, кромѣ презрѣнія, ничего не выражало по адресу женщинъ. Какъ бы ни былъ низокъ идеалъ гомеровскаго общества, всетаки оно находило его осуществленіе, чего у поэтовъ континентальной Греціи не замѣтно.

Это доказываетъ, что и у Семонида, Гесіода и ихъ единомышленниковъ мы имѣемъ дѣло не съ частнымъ выраженіемъ ихъ личныхъ вкусовъ и предразсудковъ, а со строгимъ отраженіемъ взглядовъ гораздо болѣе широкаго общества, стоящимъ въ строгой зависимости отъ общихъ бытовыхъ условій того времени.

То же самое видимъ мы и въ германскомъ эпосѣ: Нибелунгахъ и Кудрунѣ, гдѣ изслѣдователь встрѣчаетъ совершенно необычное для народной поэзіи отношеніе къ женщинѣ, проникнутое уваженіемъ и сочувствіемъ [1]).

Это отличіе германскаго эпоса отъ народной поэзіи остальныхъ народовъ не случайно и объясняется тѣмъ высокимъ положеніемъ, которое занимала германская женщина въ семьѣ и обществѣ къ тому времени, когда сложились эти поэмы [2]). Между тѣмъ позже и въ германскую литературу проникли весьма многочисленныя „сказанія о злыхъ женахъ“ [3]).

Такимъ образомъ Гомеровскія поэмы, отразившія въ себѣ міросозерцаніе совершенно иной общественной группы,

---

[1]) *M. Schwarze.* Die Frau in dem Niebelungenliede und der Kudrun. Zeitschrift für deutsche Philologie XVI (1864) глава 4-я: Liebe und Ehe стр. 430—456.

[2]) См. ibid стр. 464. Возраженія новѣйшихъ изслѣдователей, отразившіяся въ русской литературѣ у гр. *Ф. де Ла-Барта.* Бесѣды по исторіи всеобщей литературы и искусства. I. Кіевъ 1903 стр. 38 не устраняютъ этой несомнѣнной связи между общественнымъ укладомъ и его отраженіемъ въ современной поэзіи. Эта связь для итальянскаго общества прекрасно обнаружена въ книгѣ *Ф. Монье.* Кваттроченто-рус. пер. СПБ. 1904 стр. 48—56, гдѣ читатель найдетъ многочисленныя выписки изъ авторовъ 15 вѣка. Для Испаніи то же самое сдѣлано *Д. К. Петровымъ.* (Очерки бытового театра Лопе де Веги СПБ. 1901 стр. 189, 198, 199, 202).

[3]) *Л. Шепелевичъ.* Нѣмецкая повѣсть на славянской почвѣ. Харьковъ 1885 ср. 30. Для Франціи см. *гр. Ан. Бобринскій.* Романъ о Фовелѣ. Записки Романо-Германскаго отд. Филолог. Об. при Петерб. Унив. I СПБ. 1888 стр. 77.

не измѣняютъ той картины, которую создаютъ всѣ остальные памятники древнѣйшей греческой поэзіи.

И отрицательное отношеніе греческихъ поэтовъ къ женщинамъ изслѣдователи совершенно справедливо ставятъ въ связь съ крайне незавиднымъ положеніемъ гречанки въ рядахъ современнаго этимъ поэтамъ общества [1]).

Отразилось здѣсь также и наступившее къ тому времени разложеніе греческой семьи [2]).

Было бы затруднительно собрать здѣсь всѣ относящіяся сюда мѣста изъ греческой литературы; такой сводъ занялъ бы слишкомъ много мѣста и времени [3]), да это и не нужно въ виду того, что въ немъ мы встрѣтились бы въ сущности только съ различными перепѣвами одного и того же основного мотива. Поэтому для нашей цѣли смѣло можно удовольствоваться тѣмъ матерьяломъ, который представляютъ хотя бы остатки аттической комедіи, ведущей свое происхожденіе опять таки отъ народной поэзіи.

Преобладающій [4]) у комиковъ безусловно отрицательный взглядъ на женщину и на бракъ [5]) ярче всего выразился въ такой сентенціи, входящей въ составъ сборника т. н. „гномъ

---

[1]) *P. Masqueray*. Revue des etudes anciennes. V, 1903 pp. 104—112. *А. Н. Деревицкій*. Ж. М. Нр. Просв. 1901 отд. клас. фил. вып. II стр. 47.

[2]) *H. Lübke* Menanderund seine Kunst Berlin 1892 p. 7.

[3]) Слѣдуетъ однако отмѣтить гному Фокилида № 1, повторяющую въ сокращенномъ видѣ стихотвореніе Семонида. Ср. также Phocylidea vv. 199—206. Bergk-Hiller.

[4]) Исключеніе составляютъ весьма немногія мѣста у комиковъ въ родѣ сентенціи, что «благородная жена является сокровищницей добродѣтели» (Александръ fr. 5 kock). Эврипидъ 1055. Извѣстнымъ оптимизмомъ проникнуты стихи Менандра (648 к): «если ты рѣшилъ жениться, то знай, что, взявши въ домъ малое зло, ты получишь великое благо». Но въ общемъ такихъ мѣстъ очень мало.

[5]) Ср. Эврипидъ fr. 498, 666, 321, 1059.

Менандра“ [1]) „нѣтъ ничего хуже даже прекрасной жены“. (№ 43) [2]). „Всякій бракъ является рискомъ“ (Менандръ. 399 М.) [3]); причемъ этотъ рискъ еще усиливается отъ того, что женщины никогда не говорятъ правды (Менандръ № 746 К.) [4]). По отношеніи къ женщинѣ рекомендуется особенная осторожность и недовѣріе [5]). Въ одной изъ комедій Антифана мужъ говоритъ: я женѣ вѣрю только одно, что послѣ смерти она не будетъ снова жить, а во всемъ остальномъ не довѣряю. (fr. 251) [6]); въ связи съ этимъ стоитъ сентенція, будто „ничего не трудно такъ уберечь, какъ жену [7])“; въ виду этого „особенно надо бояться женщинъ, когда онѣ говорятъ прекрасныя рѣчи“ (№ 652, 745 к. [8]) ср. гному № 600). Не должна также привлекать мужчину и красота женщинъ, потому что „красивыя женщины больше всего вызываютъ порицаніе“ (Менандръ ст. 703) [9]). „Многіе бѣдствуютъ изъ-за женщинъ“ (гнома № 700), „Гдѣ есть женщины, тамъ все плохо“ (№ 623) [10]). Вотъ причины, которыми обусловленъ совѣтъ: „не довѣряй женщинѣ своей жизни (№ 86) [11]).

---

[1]) Объ этомъ сборникѣ см. *А. В. Михайловъ.* Къ вопросу о греко византійскихъ и славянскихъ сборникахъ изреченій. Ж. М. Нр. Пр. 1893 № 1 стр. 16, гдѣ приведена вся иностранная литература предмета.

[2]) Ср. № 437: «не женатый не знаетъ бѣдствій», 541: «безъ женщины для мужчины не бываетъ зла», 56: ты проведешь жизнь безпечально, если не женишься. Въ комедіи Менандра «Братья» кто-то восклицалъ: какъ я счастливъ: вѣдь я не женюсь «(ст 1. см. Эврипидъ fr. 546».

[3]) Эврипидъ fr. 402. Теодектъ Nauck. TGF p. 805 № 13.

[4]) Ср. 801 803 к. О хитрости женщинъ см. Эврипидъ. Андромаха 84. Иппол. 481. Ифигенія въ Тавридѣ 1032.

[5]) Sophocl. fr. 742 adespota trag. № 543 N

[6]) Другіе примѣры собраны у *F. Mallet* Quaestiones Propertianae. Gotting. 1882 p. 19.

[7]) Th. Kock. CAF II p. 407 № 339—Эврипидъ fr. 320 №. Однако излишнее усердіе и въ этомъ направленіи опасно. См. Эврипидъ fr. 1063.

[8]) Эврипидъ fr. 528:

[9]) Ср. Аристофанъ. Лисистрата ст. 11.

[10]) Ср. Эврипидъ fr. 36, 429. Софоклъ fr. 187 N.

[11]) Ср. Менандръ. 801 к.

Очень любопытенъ слѣдующій отрывокъ одной изъ комедій Антифана: одинъ изъ собесѣдниковъ замѣчаетъ про кого-то, что онъ женился. По этому поводу другой восклицаетъ: „что ты говоришь? Неужели въ самомъ дѣлѣ женился? Вѣдь я его оставилъ живымъ и разгуливающимъ“ [1]). Такимъ образомъ, съ этой точки зрѣнія женитьба и смерть почти одно и то же.

Женитьба приноситъ, по мнѣнію одного изъ персонажей Менандра, и болѣе серьезныя опасности, угрожающія не только спокойствію, но даже и жизни мужа [2]). Въ другой комедіи Менандра кто-то по собственному горькому опыту говорилъ: „ты не женишься, если у тебя есть разсудокъ“ (657), а въ третьей одно изъ дѣйствующихъ лицъ проклинало того, кто первый вступилъ въ бракъ (154 к).

У Сусаріона, основателя т. н. мегарской комедіи кто-то говорилъ: „правда, женщины—это зло, но безъ нихъ нельзя жить, поэтому и жениться и не жениться одинаково плохо“ (1 fr.) [3]).

Отрицательное отношеніе къ браку такъ велико, что у Антифана одинъ изъ персонажей говорилъ: „человѣкъ, сильно хворающій глазами, испытываетъ много всевозможныхъ золъ, но зато пользуется и тѣмъ благомъ, что за это время не видитъ жены“. (fr. 252).

---

[1]) 221 к. Въ поясненіе этого отрывка *A. Meineke* CGF III p. 130 приводитъ слѣдующій анекдотъ, сохраненный Эвстафіемъ: кто то изъ древнихъ, оставивъ друга холостымъ, на другой день засталъ его *выданнымъ* замужъ, (характерно уже послѣднее выраженіе, указывающее, что тотъ, кто женится, подпадаетъ подъ власть своей супруги) сталъ горевать, и воскликнулъ: увы вчера онъ былъ живъ, а сегодня умеръ.

[1]) v. 585 к. Эврипидъ fr. 469 N.

[1]) Ср. изъ Менандра: женитьба есть по истинѣ зло, но зло необходимое (651 к). Авторъ одной изъ гномъ допускаетъ, что «и женщины бываютъ цѣломудренныя» (№ 160, ср. 634, 675) но это встрѣчается очень рѣдко ср. Эврипида Ифигенія въ Авлидѣ ст. 1162—1163. Одинъ изъ такихъ случаевъ приводился въ какой-то комедіи Менандра, какъ нѣчто изъ ряда вонъ выходящее (fr. 827).

Вполнѣ понятно, что особенно сильно порицаютъ въ комедіи тѣхъ, кто женится во второй разъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ уже нельзя оправдываться неопытностью, какъ при первомъ бракѣ [1]).

Важенъ для характеристики отношенія комедіи къ браку тотъ отрывокъ, гдѣ кто-то на вопросъ, женится ли нѣкій Памфилъ, отвѣчаетъ: пусть женится; вѣдь онъ меня обидилъ [2]). Однимъ изъ неудобствъ брака является и то, что вскорѣ послѣ женитьбы наступаетъ разочарованіе и новобрачный начинаетъ раскаиваться въ своемъ поступкѣ [3]).

При такомъ отношеніи къ браку неудивительно встрѣтить среди отрывковъ комедіи изреченіе, гласящее, что „гораздо лучше хоронить жену, чѣмъ вводить ее въ свой домъ“ [4]).

Но если уже кто рѣшился на такой опасный шагъ, тотъ долженъ заботиться о томъ, что въ его домѣ жена не заняла перваго мѣста [5]). Въ комедіи Менандра „Подкидышъ“ одно изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ: „Вся власть должна принадлежать мужу, а жена должна занимать второе мѣсто. Семья, въ которой во всемъ главенствуетъ жена, непремѣнно должна погибнуть“ [6]).

---

[1]) Эвбулъ fr. 116. Въ нѣсколько измѣненной формѣ та же самая мысль встрѣчается у Аристофонта (fr. 5).

[2]) Th. Kock. CAF. III 462 № 297. Съ этимъ надо сопоставлять слѣдующую «гному Менандра»: пусть никогда никто расположенный ко мнѣ не вступаетъ въ бракъ (689). Первый стихъ этого отрывка взялъ Ювеналъ VI. 30.

[3]) Антифана fr. 292. Неизвѣстнаго автора «новой» комедіи fr. 182 ср. гному № 91.

[4]) Неизв. авторъ fr. 265. ср. Эврипидъ 1112. Херемонъ № 32 (Nauck. TGF p. 790).

[5]) Эврипидъ fr. 463.

[6]) fr. 484. Ту же самую мысль высказываетъ Эврипидъ устами своей Электры: «позорно, чтобы въ домѣ управляла жена, а не мужъ» (ст. 632—933).

Поэтому, по мнѣнію другого персонажа какой-то комедіи, Менандра „плохо дѣлаетъ тотъ, кто учитъ жену грамотѣ [1]): этимъ онъ снабжаетъ ядомъ страшную змѣю“ [2]). Даже свои мысли мужъ не долженъ, по мнѣнію какого-то персонажа Менандра (fr. 704), открывать женѣ, такъ какъ она охотно сумѣетъ обратить ихъ во зло. „Лучшимъ украшеніемъ женщины является молчаніе“ (гн. 83) [3]) и этимъ самымъ исключается всякая возможность участія женщинъ въ общественныхъ дѣлахъ. Сюда относится изреченіе, которое гласитъ, что „дѣло женщинъ не народное собраніе, а ткацкій станокъ“ (№ 260) [4]), и которое, несомнѣнно, является порицаніемъ попытокъ женщинъ отвоевать себѣ гражданскую самостоятельность, отразившихся между прочимъ въ разсмотрѣнныхъ комедіяхъ Аристофана. Надо однако здѣсь же отмѣтить, что Платонъ право женщинъ занимать даже высшія должности въ государствѣ ставитъ въ зависимость только отъ природнаго дарованія данной женщины [5]). Этимъ желаніямъ оградить самыми узкими рамками умственный горизонтъ женщины Эврипидъ заставилъ возражать коринѳянокъ въ своей „Медеѣ“, гдѣ хоръ поетъ (ст. 1081—1090):

Люблю я тонкія сѣти
Науки, люблю я выше

---

[1]) ср. Эврипидъ fr. 3 N.

[2]) fr. 702. ср. 565. Греческая жизнь однако не руководствовалась только такими взглядами и уже среди слушателей Платона были двѣ женщины. Впослѣдствіи даже высшее образованіе сдѣлалось въ Греціи вполнѣ доступнымъ для женщинъ. Объ этомъ см. проф. *И. В. Цвѣтаевъ.* Изъ жизни высшихъ школъ римской имперіи. 2-ое изданіе. Москва 1902 стр. 114—122.

[3]) *Th. Kock* доказывалъ (Rh. M. 1886 p 104) ея зависимость отъ Sophol. Aiax. 293.. Эта же мысль повторяется у поздняго романиста Эвстафія V. 10.

[4]) ср Эврипидъ 603 №. у Менандра f. 546 мужъ напоминалъ женѣ, что не подобаетъ женщинѣ выходить изъ дому.

[5]) См. *Н. И. Новосадскій.* Педагогическіе идеалы Платона, Варшава 1904 стр. 20.

Умомъ воспарять, чѣмъ женамъ
Обычай людей дозволяетъ...
Есть муза, которой мудрость
И наша отрадна, жены.
Не всѣ ея видятъ улыбку;
Межъ тысячъ одну найдешь ты,
Но умъ для науки женской
Нельзя же назвать закрытымъ [1]).

Безправное [2]) положеніе гречанки въ семьѣ обрисовано очень ярко въ слѣдующемъ монологѣ какой то женщины изъ трагедіи Софокла „Терей" [3]). „Часто разсуждала я объ участи женщинъ и убѣдилась что мы—ничто. Счастливѣе всего, я думаю, мы бываемъ въ юности, пока живемъ въ отцовскомъ домѣ: невѣдѣніе приноситъ такъ много радостей! А когда подростемъ и станемъ поумнѣе, насъ выгоняютъ и продаютъ подальше отъ родителей [4]) и родины боговъ къ иноплеменнымъ, а то и къ варварамъ..... и если какой-нибудь удастся выйти за умнаго [5]), такъ надо всячески хвалить ея судьбу и считать счастливой".

Коль скоро, по мнѣнію авторовъ комедіи или вѣрнѣе ихъ персонажей, жена должна въ семьѣ занимать второе мѣсто, то необходимо устранять всякую возможность для нея занять преобладающее положеніе въ домѣ. На такое она будетъ всегда заявлять свои права, если принесетъ съ собой большое приданое; мужъ всегда окажется въ зависимости отъ такой „жены съ большимъ приданымъ", которая сдѣлалась однимъ изъ самыхъ яркихъ типовъ, выведенныхъ на аѳинскую комическую сцену.

---

[1]) На связь этаго хора съ утопіями тогдашнихъ теоретиковъ указалъ *U. Wilamowitz* въ *Hermes* XXXV B (1900) p 551.

[2]) ср. Эврипидъ f 545 N.

[3]) fr. 524 N.

[4]) ср. Эврипидъ fr. 318 N.

[5]) По догадкѣ П. В. Никитина въ сборникѣ А. К. Наука. TGFp 288.

Въ комедіи Менандра „Женоненавистникъ“ какой-то персонажъ говорилъ: „тяжело имѣть богатую жену: она не позволитъ мужу жить, какъ онъ хочетъ“. Та же самая мысль гораздо ярче была выражена въ другой комедіи того же Менандра (fr. 585): „Всякій, кто хочетъ взять жену съ большимъ приданымъ, тотъ или несетъ кару, ниспосланную богами, или же хочетъ на самомъ дѣлѣ быть несчастнымъ, только слывя за счастливца“. „Если какой-нибудь бѣднякъ, женясь, беретъ за женой деньги, то въ такомъ случаѣ онъ не беретъ себѣ жену, а самъ отдаетъ себя ей“ (fr. 583) [1].

Зато, по мнѣнію другихъ персонажей комедіи, приданое заставляло примириться съ безобразіемъ жены. Такое, покрайней мѣрѣ, мнѣніе высказывалъ кто-то въ одной изъ комедіи Филиппида (fr. 28).

Эта мысль восходитъ къ древнѣйшей греческой лирикѣ. Такъ среди отрывковъ, приписываемыхъ Фокилиду, одинъ гласитъ слѣдующее (199 sq. Hiller).

„Не слѣдуетъ брать въ свой домъ злую, но богатую жену: ты будешь тогда рабомъ своей жены изъ-за приданаго, которое принесетъ тебѣ только одно горе“.

Въ одной изъ комедій Анаксандрида (fr. 52) [2], кто-то говоритъ: „если бѣднякъ возьметъ себѣ въ жены женщину съ большимъ приданымъ, то у него будетъ уже не жена, а госпожа, рабомъ которой онъ окажется и при томъ самъ—то онъ останется все такимъ же бѣднякомъ“. Изъ дальнѣйшаго разсужденія однако оказывается, что не особенно сладко взять въ жены и безприданницу: „опять мужъ окажется не лучше раба: ему придется кормить вмѣсто одного—двухъ: себя и свою жену“. Затѣмъ оказывается одинаково невыгоднымъ брать въ жены и безобразную и красивую жену [3]). Если взять въ же-

[1]) ср. Эврипидъ 662, 775.

[2]) ср Аристофанъ Облака 43—55. Эврипидъ f 772 Nauck.

[3]) «Красивая жена хороша только съ умомъ» Эврипидъ fr. 212, 548.

909.

ны безобразную женщину, то жизнь станетъ совсѣмъ не въ могуту и пропадетъ всякая охота возвращаться въ свой домъ, а если жениться на красивой, то это значитъ жениться не для себя, а для сосѣдей. Такимъ образомъ (*женясь*), никакъ нельзя избѣжать напасти“ [1]).

У Эврипида Электра указываетъ [2]), какъ вообще опасны неравные браки (Electra 936 — 937). Въ этомъ ее убѣдили бѣдствія, обрушившіяся на ея собственную семью.

Въ „Андромакѣ“ послѣдней пѣсни хора предшествуетъ слѣдующее восклицаніе Пелея,—какъ выводъ изъ всей трагедіи.

О какъ безсмысленъ тотъ,
Кто ищетъ женъ съ приданымъ: благородныхъ
Ищите женъ для сыновей, и въ домъ
Лишь честный отдать ты долженъ, если
Не хочешь злой жены. И если бъ всѣ
Такъ разсуждать могли, то не пришлось бы
И гнѣва намъ безсмертныхъ трепетать.
(ст. 1279—1283).

У Алексида въ комедіи „Прорицатели“ мужъ, взявшій за женой большое приданое, жаловался, что этимъ онъ продалъ свою свободу и отъ лица своихъ товарищей по несчастью восклицаетъ: „мы перестали быть свободными и стали рабами своихъ женъ“ [3]). Такія жены обижаютъ своихъ мужей и насмѣхаются надъ ними, „онѣ распоряжаются тѣмъ, чего имъ вовсе не слѣдовало бы касаться, зато не обращаютъ никакого вниманія на свои прямыя обязанности, всуе клянутся и постоянно жалуются на свои страданья, хотя въ дѣйствительности и не испытываютъ ничего дурного“. (fr. 146). Также

---

[1]) Точно такъ же одинаково плохо жениться и въ старости (Эврипидъ fr. 804, 807, 317 N) и въ молодости (Ibid. 29, 914).

[2]) ср. Эврипидъ fr. 502, 503.

[3]) ср. *В. К. Ернштедтъ.* Порфиріевскіе отрывки изъ аттической комедіи. СПБ. 1891. стр. 194, гдѣ приведено много близкихъ по мысли мѣстъ.

самому Алексиду приписывають такое изреченіе: „нѣтъ тяжести тяжелѣе жены съ большимъ приданымъ" (fr. 341 [1]).

Въ другой его комедіи одинъ изъ такихъ мужей говорилъ: „женатому уже нельзя быть своимъ господиномъ: намъ вѣдь приходится ежедневно отдавать женамъ отчетъ въ своемъ поведеніи" (fr. 262). Этому предшествовало такое разсужденіе: „неужели кто-нибудь въ здравомъ умѣ и разумѣ рискнетъ жениться, послѣ того, какъ раньше онъ жилъ въ свое удовольствіе? Развѣ не лучше подвергнуться по закону лишенію чести, чѣмъ взять себѣ жену? Гораздо лучше: вѣдь лишенный чести не можетъ по закону только быть избраннымъ на какую-нибудь должность и руководить своими согражданами, тогда какъ женатый лишается даже власти надъ самимъ собой". Правда, на это могъ бы возразить одинъ изъ участниковъ комедіи Менандра „Женаненавистникъ" утверждавшій, что „нѣтъ такого блага, къ которому не примѣшивалось бы и зло. Такъ, мужъ лишается свободы, но зато получаетъ дѣтей и встрѣчаетъ въ семьѣ заботливое къ себѣ отношеніе" (fr 325).

Этотъ страхъ передъ женой съ большимъ приданымъ изъ комедіи перешелъ и въ гномическую литературу: одна изъ „гномъ Менандра" гласитъ: „женись на женѣ, а не на ея приданомъ". (№ 98 ср. 132) [2]). Въ этой сентенціи скрытъ

---

[1]) Однако Іоаннъ Стобейскій въ своей христоматіи приписывалъ этотъ отрывокъ Антифану (flor. LXXII. 9 см. Th. Kock. CAF II 134 № 329). Вообще Стобея очень интересовалъ вопросъ о бракѣ и въ своемъ сборникѣ онъ занялъ восемь главъ (67 — 74) соотвѣтствующими цитатами изъ древнихъ авторовъ преимущественно поэтовъ. Эти цитаты расположены по такимъ группамъ: 1) Лучше всего жениться. 2) Жениться не хорошо. 3) Польза и вредъ брака зависитъ отъ характера супруговъ. 4) о сватовствѣ и о бракѣ. 5) При заключеніи брака надо смотрѣть, чтобы супруги были одинаковаго возраста. 6) При заключеніи брака надо обращать вниманіе не на знатность и не на богатство, а на характеръ. 7) Порицаніе женщинъ или о бракѣ (уже самое такое соединеніе опредѣляетъ точку зрѣнію на бракъ). 8) Общія наставленія на счетъ брака. Въ эти главы вошло много отрывковъ изъ числа приводимыхъ выше.

[2]) Очень распространена и въ трагедіи мысль о преимуществахъ

совѣтъ обращать особенное вниманіе на характеръ будущей жены и такое указаніе совершенно опредѣленно и ясно выражено въ одномъ изъ отрывковъ Менандра (532) [1]).

Ту же самую мысль вложилъ Эврипидъ въ уста своего Агамемнона, приведя его къ сознанію ея справедливости путемъ горькаго личнаго опыта, заставившаго его кончить свой споръ съ женой такимъ выводомъ:

Если
Ты женишься, то выбирай себѣ
Жену и вѣрную и добрую, чтобъ дома
Сидѣла, или вовсе не женись [2]).

благонравной добродѣтельной жены передъ богатой см. Эврипидъ 137, 164, 543, 405. Гиппофоонъ № 6. Nauck p 826.

[1]) ср. Діодоръ fr. 3; отрывокъ Менандра 584, повидимому, гласитъ, что человѣкъ, рѣшившійся вступить въ бракъ долженъ заранѣе опредѣлить, чему надо отдать предпочтеніе при выборѣ жены: пріятной ли *внѣшности* или дѣйствительно хорошему характеру своей будущей жены: только послѣдній обезпечиваетъ согласіе между супругами, а это дороже всего см. Эврипидъ fr. 823.

[2]) Ифигенія въ Авлидѣ. ст. 749—750 пер. И. Ѳ. Анненскаго ср. «Андромаха» ст. 208.

Отголосокъ этихъ разсужденій встрѣчаемъ въ «пирѣ» Лукіана, гдѣ одинъ изъ участниковъ описываемой въ немъ пирушки уже подъ конецъ пира, когда у всѣхъ собравшихся философовъ шумѣло въ головѣ, началъ свою рѣчь такъ: «быть можетъ слѣдовало бы въ присутствіи столь важныхъ лицъ вести рѣчь объ идеяхъ, о безплотныхъ существахъ и о безсмертіи души. Но чтобы не встрѣтить возраженія со стороны представителей другихъ философскихъ школъ, я выскажу подобающія случаю соображенія на счетъ брака. Конечно, лучше всего было бы вовсе не нуждаться въ бракѣ, а слѣдуя Платону и Сократу, довольствоваться любовью къ прекраснымъ юношамъ. Вѣдь только такая любовь могла бы привести къ добродѣтели. Но ужь если мы всетаки должны вступить въ бракъ и съ женщинами, то я полагаю, что у всѣхъ, какъ этому училъ Платонъ, жены должны быть общія, тогда мы не знали бы мукъ ревности» (Лукіанъ Пиръ гл. 39) ср. его же «Эроты» гл. 30, 39—40. Ограничиваюсь здѣсь этими двумя примѣрами изъ очень обширной античной литературы, отразившей въ себѣ такіе взгляды. Остальные примѣры у *F. Wilchelm.* Zu Achilles Tatius. Rhein. Mus. LVII (1902) pp. 64 sq).

Что касается до тѣхъ гномъ, которыя приписывались Менандру, то Th. Kock обратилъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство [1]): въ этомъ сборникѣ о женщинахъ идетъ рѣчь въ 90 сентенціяхъ, изъ которыхъ 7 проникнуты благосклоннымъ отношеніемъ къ женщинамъ, 10 безразличнаго характера, а 73 представляютъ собою ожесточенныя нападки на женщинъ, переходящія иногда въ явныя ругательства. По мнѣнію Кока ихъ авторами могутъ быть только тѣ лица, которымъ обѣтъ запрещалъ давать исходъ своимъ естественнымъ нуждамъ и на дѣлѣ познать прелести ихъ опасныхъ соблазнительницъ [2]) Но сравненіе съ памятниками какъ греческой литературы (хотя бы стихотвореніе Сесменида Аморгскаго), такъ и народной поэзіи другихъ странъ заставляетъ относиться болѣе чѣмъ осторожно къ предложенію Кока видѣть въ этихъ гномахъ произведенія монашеской музы [3]).

Позднѣйшіе грамматики очень усердно выбирали такія мѣста изъ поэтовъ, которыя могутъ служить подтвержденіемъ „злой природы“ женщины“ [4]) и, быть можетъ, отчасти и ихъ пристрастію къ такимъ сентенціямъ обязаны мы тѣмъ, что до насъ дошло изъ греческой литературы такъ много мѣстъ, окрашенныхъ крайнимъ женоненавистничествомъ [5])

Изъ античной литературы этотъ отрицательный взглядъ

---

[1]) Die Sammlungen Menandrischer Spruchverse. Rhein. Mus. XLI (1886) pp. 85—117.

[2]) p. 102

[3]) Замѣчу мимоходомъ, что эти 90 гномъ являются наиболѣе сильнымъ аргументомъ противъ теоріи того же Кока (ibid p. 116), будто наше собраніе гномъ было составлено для того, чтобы служить матеріаломъ для упражненій въ каллиграфіи мальчиковъ въ школахъ при византійскихъ монастыряхъ. Надо держаться очень своеобразнаго взгляда на педагогическія воззрѣнія византійцевъ, чтобы думать, что они считали подходящею пищею для ума своихъ питомцевъ гномы въ родѣ №№ 182, 110, 106.

[4]) См. *О. П. Шестаковъ*. Гомеръ въ схоліяхъ. Фил. Обоз. XXI (1902) стр. 13—16.

[5]) *Ivo Bruns*. Frauenemanzipation p. 159.

на женщину заимствовали ранніе христіанскіе писатели, по самому складу своей дѣятельности „болѣе склонные останавливать вниманіе читателей на отрицательныхъ явленіяхъ, отъ которыхъ надо было предостерегать слабую душу, а средневѣковый складъ мысли помогъ этимъ нападкамъ на женщинъ обобщиться въ этическій типъ злой жены, раздутый до нельзя послѣдующимъ развитіемъ аскетизма“ [1]).

Этотъ взглядъ переходитъ потомъ черезъ Византію вмѣстѣ съ христіанствомъ и къ намъ. О московскомъ патріархѣ Іоакимѣ сохранилось извѣстіе, что онъ не признавалъ мощей и житія Анны Кашинской. Игуменъ Θеодосій Сафоновичъ не хотѣлъ поклоняться открытымъ Петромъ Могилою мощамъ Юліаніи Ольшанской, пока святая не явилась, по преданію, во снѣ изоблачить его. Въ немногочисленныхъ житіяхъ святыхъ женъ, сохраненныхъ русскими сборниками, указано гораздо меньше чудесъ, нежели въ мужскихъ житіяхъ [2]).

Отрицательный взглядъ на женщину свойственenъ въ наивысшей степени и средневѣковью. Chansons de geste наполнены недовѣріемъ къ женщинѣ; мужчина, вѣрящій ей, называется глупымъ и въ женщинѣ постоянно выставляется на видъ ея легкомысліе [3]). Паденіе стараго семейнаго строя въ итальянскомъ обществѣ эпохи возрожденія имѣло однимъ изъ своихъ послѣдствій то, что и въ литературѣ Ренессанса наряду съ прославленіемъ женщины удержался и старый средневѣковый взглядъ и это столкновеніе мнѣній родило литературныя препирательства о достоинствѣ женщинъ, причемъ начинало преобладать защитительное настроеніе, вызвавшее такіе трактаты, какъ La defensione delle donne, принадлежащій

---

[1]) *Александръ Никол. Веселовскій* изъ исторіи развитія личности. Бесѣда. 1872 № 3 стр. 249.

[2]) *Д. П. Шестаковъ.* Ученыя Записки Каз. Унив. 1904 № 10 стр. 53.

[3]) См. *Н. П. Дашкевичъ.* Романтика круглаго стола. Кіевъ, 1890 стр. 26. *А. Н. Веселовскій.* Изъ исторіи романа и повѣсти, томъ II Спб. 1888, стр. 5—6.

анонимному автору 15 столѣтія [1]). Въ литературѣ во имя свободы чувства подвергался осмѣянію мужъ и выдвигался любовникъ, торжествовавшій благодаря личнымъ его достоинствамъ [2]). Бракъ не встрѣчалъ сочувствія и у итальянскихъ писателей первой половины XVI вѣка. Berni писалъ „gran disgrazia è l'aver moglie“. Въ письмахъ Аретино находимъ порицаніе брака, прибавляющее къ традиціоннымъ доводамъ новые во вкусѣ времени [3]). Вполнѣ послѣдовательно поэтому Тассо восклицаетъ [4]):

Femmina è cosa garrula e fallace, vuole e disvuole; è folle uomche sen fida [5]).

Въ повѣсти гуманиста Элія Сильвія Пикколомини (въ 1444) женщина – существо неукротимое, невѣрное, легкомысленное, отдающееся страстямъ, ей вѣрить нельзя: она обманетъ кого угодно, обладая чрезвычайной изворотливостью [6]).

Изъ многочисленныхъ средневѣковыхъ произведеній, посвященныхъ нападкамъ на женщинъ, особаго вниманія заслуживаютъ proverbia que dicuntur supra natura feminarum, изданныя Тоблеромъ [7]). Здѣсь можно найти рядъ мыслей встрѣчающихся весьма часто въ античной литературѣ. Сюда прежде всего относится совѣтъ не вѣрить женщинамъ [8]), восходящій къ Одиссеѣ [9]). Поэтому для мужчинъ лучше родиться глухимъ или нѣмымъ, чѣмъ вѣрить женщинамъ [10]). Любовь

---

1) Издано *Tr. Zambrini*. Bol. 1876.

2) См. *Н. Дашкевичъ*. ibid. стр. 305—306.

3) *Н. Дашкевичъ* 155.

4) Освобожденный Іерусалимъ. XIX 84.

5) *P. L. Cecci*: La donna e la famiglia italiana dal secolo XII al secol, XVI. *Nuova Antologia*. T. XI. 2-я серія т. XI (1878) стр. 416—438 и 640—661.

6) *Дашкевичъ* ibid. стр. 263.

7) *A. Tobler*. Zeitschrift für romanische philologie 1885 (IX) pp. 287—331, гдѣ во введеніи Тоблеромъ указаны нѣкторые другіе средневѣковые памятники родственнаго содержанія.

8) 100, 127.

9) Hom. Odys. XI. 455.

10) 47.

продолжается только до тѣхъ поръ, пока женщина надѣется на подарки; какъ только прекращаются подарки, такъ прекращается и любовь [1]). Особенно любопытно то, что многіе недостатки женщинъ даютъ автору поводъ сравнивать ихъ съ животными, что, какъ извѣстно, наблюдается и въ стихотвореніи Семонида Аморгскаго [2]).

Приведенныя изъ средневѣковой и позднѣйшей литературы параллели должны служить доказательствомъ того, что отрицательный взглядъ на женщинъ, съ которымъ встрѣчаемся при ознавомленіи съ древнегреческой комедіей, восходитъ къ народной поэзіи, изъ которой его выводятъ и изслѣдователи средневѣковой литературы [3]).

Можно было бы продолжать въ этомъ направленіи еще очень долго, но думаю, что и приведенные примѣры достаточно ясно показываютъ, какъ сильны и обычны были нападки на женщинъ въ греческой литературѣ, а стало быть и въ создавшемъ послѣднюю обществѣ; такое огульное женоненавистничество должно было, непремѣнно, вызвать реакцію и ея выраженіемъ и явились тѣ зародыши женскаго движенія, которые такъ безпощадно и такъ зло высмѣивалъ Аристофанъ.

Въ частности нападки на женщинъ, проникшія въ трагедіи Эврипида, дали поводъ Аристофану создать одну изъ самыхъ удачныхъ и интересныхъ пьесъ его репертуара:— „Женщины на праздникѣ Тесмофорій“ (Тесмофоріазусы) [4]).

Этой пьесой Аристофанъ сразу достигалъ двухъ цѣлей: откликался на такое интересное общественное явленіе, какъ движеніе въ пользу женской самостоятельности, и кромѣ того, высмѣивалъ Эврипида, творчество котораго вызывало та-

---

[1]) 92.

[2]) Это сопоставленіе сдѣлано Тоблеромъ ibid p. 290.

[3]) *Н. Дашкевичъ* стр. 26.

[4]) О ней см. *Ѳ. Ф. Зѣлинскій*, о синтагмахъ. Ж. М. Нр. Пр. 1833. № 4 стр. 204. H. Müller-Strübing относитъ ея представленіе къ 410 г. (см. l. l. p. 123).

кія яростныя нападки комиковъ, не терпящихъ никакихъ нововшествъ даже въ такой невинной области, какъ поэтическій стиль и музыкальная техника [1]).

Для нападокъ на Эврипида Аристофану представлялась тѣмъ болѣе широкая возможность, что законы, запрещавшіе открыто высмѣивать отдѣльныхъ лицъ на сценѣ, защищали, повидимому, неприкосновенность только должностныхъ лицъ того года, когда происходило представленіе данной пьесы, и оставляли совершенно безнаказанными самыя злостныя выходки по адресу всѣхъ остальныхъ гражданъ [2]).

Однако къ этимъ нападкамъ Аристофана надо относиться очень осторожно и менѣе всего позволяютъ онѣ намъ заключать о вкусахъ самого Аристофана. Съ перваго взгляда, можно было бы думать, что Аристофанъ такъ же жестоко высмѣивающій и пародирующій стиль и музыкальную композицію Эврипида [3]), самъ въ построеніи своихъ пьесъ старательно избѣгалъ всѣхъ особенностей поэтической техники Эврипида и руководствовался совершенно иными основаніями. Но въ дѣйствительности уже современники упрекали Аристофана въ томъ, что насмѣшки надъ Эврипидомъ нисколько не помѣшали ему подражать именно Эврипиду въ отношеніи стиля [4]) и справедливость этихъ упрековъ при ближайшемъ разсмотрѣніи только подтверждается [5]).

---

[1]) Кромѣ Тесмофоріазусъ, Лягушекъ и Ахарнянъ, гдѣ высмѣиванію Эврипида посвящены болѣе или менѣе значительныя сцены, Аристофанъ смѣется надъ нимъ еще: Nub. 1371, 1377, Vesp. 61, 1414. Pax 147, 532 sq. Lysistr. 283, 368 (здѣсь однако персонажъ сочувственно относится къ Эврипиду), 369, Eccl. 325, 826, 829.

[2]) См. *O. Keck*. Quaestiones Aristophaneae historicae. Halis Saxonum. 1876 p. 10.

[3]) О причинахъ и свойствѣ его критики музыки Эврипида см. *Θ. Φ. Зѣлинскій*. О дорійскомъ и іонійскомъ стиляхъ, стр. 21.

[4]) См. отрывокъ изъ Кратина № 307 К.

[5]) См. *Th. Zielinski*. Ein Reform des Aristophanes. Philologus. XLVII (1889) p. 26 sq. Примиряющую точку зрѣнія защищаетъ *C. Lessing* (De Ari-

Пьеса открывается разговоромъ Эврипида съ его родственникомъ, Мнесилохомъ. По словамъ Эврипида, сегодня женщины собрались рѣшить, жить или умереть Эврипиду, изъ-за пьесъ котораго такъ сильно пострадала ихъ добрая слава (76, 77, 83, sq.). И въ самомъ дѣлѣ на сценѣ происходитъ имитація народнаго собранія, обставленная всѣми подробностями настоящихъ такихъ собраній (372—378). Это изображеніе женщинъ не только участницами, но и распорядительницами народнаго собранія, несомнѣнно, сближаетъ нашу комедію съ Эклезіазусами и поэтому получаетъ особенную знаменательность.

На этомъ собраніи, конечно, участвуютъ только однѣ женщины и первая изъ нихъ открываетъ его слѣдующею рѣчью: „не изъ честолюбія я рѣшилась говорить, но уже слишкомъ долго я страдаю, видя, какъ обижаетъ насъ Эврипидъ сынъ какой-то жалкой торговки зеленью; какихъ только обвиненій онъ не взводилъ на насъ! въ какой пьесѣ не клеветалъ онъ на насъ, улучая всякую для этого возможность; тамъ, гдѣ только могло найтись хоть нѣсколько человѣкъ зрителей, актеровъ и хористовъ онъ называетъ насъ распутницами, любительницами мужскихъ объятій и вина, измѣнницами, болтушками, не способными ни къ чему хорошему и великимъ зломъ для нашихъ мужей. Поэтому мужья, вернувшись изъ театра, начинаютъ на насъ коситься и высматривать, не спрятанъ ли гдѣ-нибудь любовникъ. И ужъ теперь намъ

---

stophane Euripidis irrisore quaestianes selectae. Halis Saxonum 1877 p. 48), утверждая, будто Аристофанъ высмѣивалъ только тѣ пьесы, которыя относятся къ 1-му періоду дѣятельности Эврипида, когда онъ еще старался поразить аѳинскую публику необычностью и новизной сюжетовъ своихъ трагедій. Этотъ взглядъ могъ бы разсчитывать на убѣдительность только въ томъ случаѣ, если бы 1) всѣ нападки Аристофана на Эврипида сосредоточивались только на однихъ сюжетахъ и не захватывали вопросовъ стиля и партитуры, въ области которыхъ Эврипидъ оставался болѣе консервативнымъ, а 2) и это самое главное, если бы въ нашемъ распоряженіи былъ полный текстъ *всѣхъ* комедій Аристофана.

нѣтъ прежней свободы. Всему этому научилъ нашихъ мужей не кто иной, какъ Эврипидъ. Изъ за него теперь, если какая-нибудь женщина станетъ плести вѣнокъ, сейчасъ же у мужа является подозрѣніе что она влюбилась... Захвораетъ дѣвушка какая-нибудь и ея братъ уже сейчасъ говоритъ: „не нравится мнѣ этотъ цвѣтъ ея лица.“ Нѣтъ у жены дѣтей и она задумаетъ чужого ребенка выдать за своего, теперь ей и этого нельзя скрыть отъ мужчинъ. Эврипидъ насплетничалъ старикамъ, которые прежде брали себѣ молодыхъ женъ и ужъ теперь ни одинъ старикъ не хочетъ жениться и все изъ за того, что Эврипидъ сказалъ, будто старый мужъ рабъ своей жены. Изъ-за него же мужья придѣлали къ женскимъ комнатамъ печати да засовы и такъ насъ сторожатъ, а для отстрастки нашихъ любовниковъ завели громадныхъ и злыхъ собакъ“. Свои жалобы на Эврипида ораторша продолжаетъ еще долго въ томъ же духѣ (383—433) и ея рѣчь встрѣчаетъ полнѣйшее сочувствіе у ея слушательницъ (436). Ее смѣняетъ вдова, жалуясь на Эврипида за то, что онъ разорилъ ее своими пьесами. Послѣ смерти мужа она осталась съ пятью дѣтьми и еле еле кормилась тѣмъ, что плела вѣнки, но вдругъ Эврипидъ въ своихъ трагедіяхъ убѣдилъ народъ, будто нѣтъ боговъ и вотъ отъ этого ея торговля пошла вдвое хуже. Поэтому теперь она всѣмъ и твердитъ, что надо хорошенько проучить Эврипида (443—458).

Въ народное собраніе, недоступное для мужчинъ, родственныя чувства привели Мнесилоха, тщательно скрывающаго свой полъ подъ женской одеждой. Онъ во избѣжаніе всякихъ подозрѣній предупреждаетъ своихъ подругъ, что и *сама* страшно ненавидитъ Эврипида (470). Но ужъ не такое большое преступленіе, если Эврипидъ открылъ два или три проступка женщинъ, за которыми такихъ провинностей водится безчисленное множество. Въ подтвержденіе этого Мнесилохъ знакомитъ подругъ съ нѣкоторыми страницами своей

собственной біографіи, носящими такой соблазнительный характеръ, что передъ ними обвиненія, взводимыя на женщинъ Эврипидомъ, совершенно блѣднѣютъ. И всѣ ея продѣлки не разоблачены Эврипидомъ. А какое дѣло женщинамъ до того, что онъ поноситъ какую-то тамъ Федру? за то онъ скрываетъ настоящія продѣлки теперешнихъ женщинъ, знакомыхъ Мнесилоха. Поэтому женщинамъ не слѣдуетъ сердиться на Эврипида, отъ котораго онѣ терпятъ не больше, чѣмъ того сами заслужили (466—519 ср. 555—565). Какъ и слѣдовало ожидать, заступничество Мнесилоха привело только къ тому, что его полъ былъ узнанъ и этотъ процессъ открытія тайны Мнесилоха далъ поводъ Аристофану достаточно повеселить зрителей сценами въ своемъ излюбленномъ вкусѣ. Для насъ интересна здѣсь только та пѣснь хора, въ которой, отвѣчая на всѣ нападки, аѳинянки спрашиваютъ мужчинъ, почему это они берутъ въ жены женщинъ, если онѣ въ самомъ дѣлѣ такое зло и источникъ всѣхъ бѣдствій, даже при этомъ всячески сторожатъ ихъ и не отпускаютъ отъ себя. Въ такомъ случаѣ имъ слѣдовало бы благодарить боговъ за избавленіе отъ такого зла, а на самомъ дѣлѣ они рады радехоньки хоть только взглянуть на женщину. Отсюда выводъ, что женщины лучше мужчинъ[1]) и въ подтвержденіе этого сравниваются отдѣльныя аѳинянки съ мужчинами, прославившимися различными неблаговидными дѣяніями. Какъ и слѣдовало ожидать, побѣдительницами изъ этого сопоставленія выходятъ женщины: онѣ нисколько не хуже могли бы спасти и сохранить отцовское наслѣдіе, имѣютъ полное право на почетъ со стороны государства, если даютъ ему полезныхъ гражданъ и хорошихъ полководцевъ. (786—845). Эта тема даетъ полную возможность комику пустить новыя стрѣлы въ лагерь ненавистныхъ ему дѣятелей. Необходимо остановиться на

---

[1]) Ср. Эврипидъ fr. 499.

этихъ жалобахъ аѳинянокъ на Эврипида, изображающихъ его, какъ самаго яраго женоненавистника. Дѣйствительно въ его трагедіяхъ можно найти очень много мѣстъ, которыя по ярости своихъ нападокъ на женщинъ нисколько не уступаютъ тѣмъ, съ которыми мы встрѣчаемся въ комедіи[1]).

Эти части его трагедій послужили причиной того, что уже въ древности ему дано было прозвище „женоненавистникъ“, и дали пищу для возникновенія нѣсколькихъ легендъ, получившихъ гораздо болѣе широкое распространеніе, чѣмъ онѣ этого заслуживали на самомъ дѣлѣ. Уже авторъ его греческой біографіи ставитъ въ связь эти мѣста его трагедій съ его личными неудачами въ семейной жизни. Этотъ же біографъ считаетъ за дѣйствительный фактъ тѣ угрозы женщинъ Эврипиду, которыя мы видѣли въ только что разсмотрѣнной комедіи Аристофана, и отъ себя добавляетъ нѣсколько подробностей въ подтвержденіе этихъ слуховъ. И смерть Эврипида была окружена такими романтическими подробностями, которыя могли возникнуть только у авторовъ, признававшихъ женоненависничество Эврипида за нѣчто вполнѣ реальное. Такъ по свидѣтельству одного греческаго грамматика (Свиды), Эврипидъ былъ убитъ женщинами, желавшими отомстить ему за перенесенныя отъ него обиды, въ то самое время, когда отправлялся на любовное свиданье. Послѣднее обстоятельство древними біографами особенно подчеркивается изъ желанія указать на слабость Эврипида какъ разъ въ томъ самомъ направленіи, въ которомъ онъ въ своихъ пьесахъ являлся особенно суровымъ обличителемъ[2]).

Эта біографія особеннаго вниманія не заслуживаетъ, тѣмъ болѣе, что она является позднѣйшей обработкой болѣе ран-

---

[1]) См. *E. Moncourt.* De parte satirica et comica in tragoediis Euripidis. Divone 1851 pp 40—52, гдѣ и собраны всѣ относящіяся сюда выписки изъ его трагедій.

[2]) Эти легенды приведены у *A. Nauck* на стр. XXII. перваго тома его изданія Эврипида. Самъ Наукъ, конечно, не вѣритъ этимъ сказкамъ.

няго трактата, приспособленной ко вкусамъ и потребностямъ такъ называемой широкой публики [1]). Однако прошло очень много времени, прежде чѣмъ удалось разубѣдить современныхъ филологовъ въ ея полнѣйшей недостовѣрности, да и теперь еще приходится встрѣчаться съ учеными, которые изъ-за слѣпого довѣрія къ авторитету древности не обращаютъ никакого вниманія на выводы исторической критики. Они при этомъ забываютъ и то, что даже въ древности, наиболѣе серьезные изслѣдователи исторіи греческой литературы (Эратосѳенъ и Филохоръ) отвергали эти анекдоты и поэтому ничего не сообщали о чудесной смерти Эврипида [2]). Поэтому всѣ эти разсказы о женоненавистничествѣ Эврипида, погибшаго будто бы отъ рукъ обиженныхъ женщинъ, надо относить къ разряду столь излюбленныхъ древними біографами анекдотовъ [3]), тѣмъ болѣе, что является возможнымъ прослѣдить тотъ путь, по которому складывались эти легенды, основанныя исключительно только на фабулѣ отдѣльныхъ пьесъ Эврипида, подробности которыхъ древніе грамматики переносили съ персонажей трагедій на ихъ автора, обнаруживая при этомъ свое роковое неумѣнье отличать личность автора отъ созданныхъ имъ художественныхъ образовъ, въ уста которыхъ для полноты ихъ обрисовки поэту нерѣдко приходится влагать мысли, рѣзко противорѣчащія его собственнымъ.

Къ удивленію, эти, казалось бы, азбучныя истины, составляющія основное положеніе художественной критики, незнакомы весьма многимъ изъ современныхъ ученыхъ изслѣдователей Эврипида, которые чувствуютъ себя очень смущенными: какъ это могъ „женоненавистникъ“ Эврипидъ создать цѣ-

---

[1]) См. *Fr. Leo*. Die grechisch römische Biographie. Leip. 1901 стр. 24.

[2]) См. *W. Nestle*. Die Legenden vom Tode des Euripides. Philologus. t. LVII (1898) pp. 134.

[3]) l. l. pp. 134—149.

[4]) *C. Lessing*. op. cit. p. 13—15.

лую галлерею таких женских образов, выше и свѣтлѣе которых до сих пор не создано ничего в мировой поэзіи?

Знакомые с поэзіей, эстетикой и законами художественнаго творчества, чуть ли не хуже древних грамматиков, эти современные изслѣдователи для устраненія подобных „противорѣчій" пускают в ход все богатство своих формальных знаній, и... конечно, ничего не достигают [1]).

Один из новѣйших французских изслѣдователей вопроса [2]) выступал с мнѣніем, будто эту двойственность в изображеніи женских характеров у Эврипида надо объяснять, тѣм, что в Эврипидѣ слилось воедино двѣ личности: личность наблюдателя и личность поэта. Первый воспроизводит обычныя жалобы современников, раздѣляя их недовольство женщинами; второй возмущается против такой мелочности и поэт Эврипид отмѣчает достоинства и добродѣтели тѣх самых женщин, которых так сильно порицал Эврипид наблюдатель [3]).

Однако не пора ли от этих отвлеченных разсужденій

---

[1]) Так *Berlage* (Commentatio de Euripide philosopho. Lugduni Batovorum 1888 p. 190) вѣрит в сказку о том, будто неудачный брак сдѣлал Эврипида женоненавистником и старается примирить это противорѣчіе тѣм, что относит пьесы, гдѣ женщины выставлены в особенно дурном свѣтѣ, к той порѣ, когда личныя обиды Эврипида еще не были им позабыты. См. p. 196. Между тѣм, еслибы голландскій ученый даже и не считал совмѣстным с достоинством серьезнаго ученаго знакомство с такими «пустяками», как законы художественнаго творчества, и ограничивал бы свое чтеніе только филологическими брошюрами, то в его распоряженіи была и среди этой литературы очень трезвая работа: *A. Braut*: Euripides mulierum osor num recte dicatur. Marienwerder 1862, гдѣ автор доказывает (pp. 2—16). Euripidem tales finxisse homines quales sunt eamque ob causam talia loquentes, qualia condicioni in qua quisque sit, conveniant.

[2]) *P. Masqueray*. Euripide et les femmes. Revue des études anciennes. 1903 (V) pp. 101—119 и 234—246. В русской литературѣ эта статья обратила на себя вниманіе *Д. П. Шестакова*. Ученыя Записки Каз. Унив. 1904. № 10 стр. 47—53.

[3]) ibid. p. 237.

обратиться къ самому Эврипиду и на одной изъ его пьесъ ознакомиться съ матеріаломъ, давшимъ пищу столь разнообразнымъ толкованіямъ современныхъ ученыхъ.

Однимъ изъ самыхъ жестокихъ по отношенію къ женщинамъ мѣстъ у Эврипида является монологъ Ипполита (ст. 616—668), только что узнавшаго отъ кормилицы Федры, что ея госпожа сгораетъ отъ любви къ своему пасынку и ждетъ, что онъ для нея поступится своимъ обѣтомъ дѣвства, который онъ далъ богинѣ Артемидѣ.

Возмущенный гнусными рѣчами старухи, Ипполитъ даетъ волю своему негодованію [1]).

О Зевсъ! Зачѣмъ ты создавалъ жену?
И это зло съ его фальшивымъ блескомъ
Лучамъ небесъ позволилъ обливать?
Иль для того, чтобъ родъ людской продолжить
Ты обойтись безъ женщины не могъ?
Иль изъ своихъ за мѣдь и злато храмовъ
Иль серебро не могъ бы сыновей
Ты продавать, чего который стоитъ,
Освободивъ жилища намъ отъ женъ.
Что жены зло—мнѣ доказать не трудно.
Родной отецъ за дочерью, ее
Взлелѣявши, чужому человѣку
Приданое даетъ—освободи
Его отъ дочки только. Мужъ, конечно,
Отравленной украсивъ розой садъ,
Ей восхищенъ бываетъ. Точно куклу
Или алмазъ фальшивый онъ жену
Старается оправить подороже.

---

[1]) Всѣ стихотворныя цитаты изъ Эврипида дѣлаю по переводамъ И. Ѳ. Анненскаго съ самыми незначительными измѣненіями, которыхъ требовали законы декламаціи.

Но и мужей жена нищитъ и только.
И хорошо, кому попалось въ домъ
Ничтожное творенье, чтобъ ни злого
Ни добраго придумать не могла.
Но умница! избави, боже, если
Въ ней на вершокъ побольше, чѣмъ въ другихъ
Ума; излишекъ этотъ Афродитѣ
На пользу лишь—коварствомъ станетъ онъ.
Напротивъ та, которая природой
Обижена жена, по крайней мѣрѣ
На хитрости Киприды не пойдетъ.
Приспѣшницъ—вотъ кого отъ женъ подальше надо.
Вы сторожить оставьте терема
Звѣрей, когда хотите, а не этихъ
Пособницъ: звѣрь укуситъ, да не скажетъ,
А то хозяйка козни мастеритъ,
А нянюшка ихъ по вѣтру разноситъ.
Не такова ль и эта тварь? (*указывая на кормилицу Федры*) отца
Священное она дерзнула ложе
Мнѣ, сыну предлагать. Да послѣ словъ
Такихъ—иди къ источнику и уши
Омой священной влагой. Если я
Въ себѣ заразу чувствую отъ звука,
Отъ шума словъ, такъ каково же сердцу
Отъ грязи ихъ?

* * *

Такъ будьте же вы прокляты! Ни въ вѣки
Я не скажу, что ненавидѣть женщинъ
Сильнѣе невозможно, и меня
Пускай зовутъ хоть взбалмашнымъ, покуда
Все тѣжъ онѣ. О смертные, иль женъ
Исправьте намъ, иль языку дозвольте
Ихъ укорять, а сердцу проклинать.

Въ этомъ монологѣ, какъ въ колчанѣ собраны всѣ стрѣлы, которыя греческая поэзія метала въ лагерь женщинъ. Вспомнимъ однако, что онъ вложенъ Эврипидомъ въ уста Ипполита, въ которомъ „сквозь обличье наивной непосредственности мы различаемъ адепта, если не создателя новой вѣры“, которому близки „только тѣ, у кого цѣломудріе лежитъ въ самой природѣ, кого еще не коснулись страсти, кому не надо внѣшнимъ приличіемъ сдерживать потемненной страстью души“ [1]). Могъ ли такой человѣкъ иначе отозваться на предложеніе кормилицы Федры, каждое слово которой тѣмъ сильнѣе ранило его сердце, чѣмъ выше и чище былъ его собственный нравственный идеалъ? Отвѣтивъ на этотъ вопросъ, мы отвѣтимъ и на другой: могъ ли Эврипидъ не влагать въ его уста такого монолога, если хотѣлъ дать этому персонажу законченность характера [2]).

Это быть можетъ самое объективное мѣсто во всей трагедіи, если только вообще допустимъ объективизмъ въ художественномъ творчествѣ.

Здѣсь я невольно переношусь мыслью изъ аѳинскаго театра Діониса въ Лондонъ, гдѣ на сценѣ жалкаго театра „Глобусъ“ черезъ двадцать вѣковъ Шекспиръ заставилъ проводить Гамлета свою мать съ ея новымъ мужемъ такимъ воспоминаніемъ про своего отца: Такъ страстно

онъ мать мою любилъ: онъ вѣтерку
не дозволялъ ея лица касаться
А какъ она
Его любила... съ каждымъ днемъ ея

---

[1]) Слова *И. Ѳ. Анненскаго*, статья котораго «Трагедія Ипполита и Федра» (Ж. М. Нр. Пр. 1902 № 11 стр. 350—368) безусловно занимаетъ первое мѣсто во всей необъятной литературѣ, посвященной анализу этой пьесы.

[2]) Личное отношеніе Эврипида къ этому мотиву быть можетъ сказалось именно въ томъ, что онъ не далъ въ руки Ипполита оружіе собственной чеканки, а собралъ въ этомъ монологѣ всѣ бывшія *до него* въ обиходѣ и жизни и поэзіи обвиненія противъ женщины.

Любовь росла, росла пышнѣй и шире...
И вдругъ, спустя лишь мѣсяцъ... Нѣтъ... не надо,
Не надо думать... о непостоянство—
Вотъ имя женщинъ! [1]).

Если этотъ вопль разочарованія и отчаянія, вызванный на уста Гамлета гибелью его личный вѣры въ свою мать, придавшей такую роковую окраску его отношенію къ Офеліи, заставитъ критиковъ забыть тотъ дивный гимнъ женщинѣ, который Шекспиръ, какъ вѣрный сынъ Ренессанса, вложилъ въ уста своего Бирона [2]), и позволитъ имъ записать въ ряды женоненавистниковъ изъ-за этой сцены и Шекспира, то я готовъ признать какой-нибудь смыслъ и за обвиненіями Эврипида въ личной ненависти къ женщинамъ. Но не по этимъ разрозненнымъ чертамъ, выхваченнымъ изъ отдѣльныхъ портретовъ обширной галлереи персонажей Эврипида, намъ разгадать его собственное міросозерцаніе, затуманенное легендами и недомысліями тѣхъ двадцатипяти вѣковъ, которые лежатъ между нами. Зато съ тѣмъ большимъ вниманіемъ мы должны всмотрѣться въ тѣ цѣльные поэтическіе образы, которые могли возникнуть только согрѣтые лучами личной симпатіи поэта, время отъ времени смѣлой рукой покрывавшаго невиданными до него красками унаслѣдованныя фигуры миѳической традиціи.

Такія невѣдомыя міру до Эврипида краски продолжаютъ еще теперь играть и искриться на вѣчно юномъ образѣ его Ифигеніи, на которую не посмѣло занести свою руку все разрушающее время.

Въ этой трагедіи мы — при началѣ Троянской войны. Вся свободная Эллада встала, чтобы проучить дерзкаго варвара, покусившагося на ея честь. Но злая судьба шлетъ на-

[1]) «Гамлетъ» I. 2, пер. П. П. Гнѣдича.

[2]) «Безплодныя усилія любви». IV. 3 см. *Н. И. Стороженко.* Шекспиръ и литература эпохи Возрожденія. Научное Слово 1904 № 4 стр. 46.

грековъ новыя испытанія и всю тяжесть ихъ долженъ принять на себя Агамемнонъ, и этимъ отплатить за почетъ грекамъ, отдавшимъ въ его руки власть надъ собой. Неумолимые боги требуютъ крови и эту кровь должна пролить дочь царя—Ифигенія. Агамемнонъ послѣ страшной борьбы, въ которой побѣда нѣсколько разъ переходила отъ царя къ человѣку, теперь долженъ встрѣтить свою дочь, когда ее привелъ въ станъ грековъ обманный бракъ съ Ахилломъ.

Ликуя всей весной своей души въѣзжаетъ Ифигенія и первое ея желаніе „къ груди отца прижаться грудью нѣжной". Чѣмъ ярче горитъ ея любовь къ отцу, тѣмъ глубже и больнѣе вонзается ножъ будущаго жертвоприношенія въ сердце отца и онъ всячески оберегаетъ это безмятежное невѣдѣніе дочери. Но скоро правда во всемъ ея ужасѣ открылась пораженнымъ очамъ Ифигеніи и торжество невѣсты смѣнилось ужасомъ безотвѣтной жертвы. Безпомощно ищетъ она словъ въ то время, какъ ея мать старается всей силой своего негодованія сломить рѣшенье мужа, но Агамемнонъ отдалъ свою волю въ руки грековъ и отвѣтственность царя сковала въ его сердцѣ всѣ муки человѣка. Его душѣ суждено принять и вытерпѣть все остріе такихъ укоровъ дочери и чѣмъ слабѣе ея голосъ, подкошенный неизбѣжностью страшной смерти, тѣмъ больнѣе рѣжутъ его звуки сердце ея невольнаго палача.

Волшебныхъ устъ Орфея не дано,
Отецъ, твоей малюткѣ, чтобы свиту
Изъ камней сдѣлать и искусной рѣчью
Сердца людей разнѣживать... Тогда
Я говорить бы стала, но природа
Судила мнѣ одно искусство—слезы,
И этотъ даръ тебѣ я приношу...
Я здѣсь, отецъ, у ногъ твоихъ, какъ вѣтка,
Молящихъ даръ, такая же, какъ онѣ,
Я хрупкая, но рождена тобою...

О не губи жъ меня безвременно... Глядѣть
На божій міръ такъ сладко, и спускаться
Въ подземный міръ такъ страшно—пощади!
Я первая тебѣ сказала—„папа“
И ты мнѣ первой—„дочка“. Помнишь: я
Къ тебѣ взбиралась на колѣни съ лаской—
О какъ ты самъ меня тогда ласкалъ!
Ты говорилъ: „увижу ль я, малютка,
Счастливою женой тебя? цвѣти,
Дитя мое, на гордость намъ Атридамъ!“
А я въ отвѣтъ, вотъ какъ теперь твоихъ
Касаясь щекъ: „О если-бъ дали боги
Тебя, отецъ, когда ты будешь старъ,
Въ дому своемъ мнѣ нѣжить, вспоминая,
Какъ ты меня, ребенка, утѣшалъ!“
Все въ памяти храню я, всѣ словечки,
А ты забылъ, ты радъ меня убить...
О нѣтъ, молю тебя тѣнями предковъ
Пелопа и Атрея заклинаю,
И муками жены твоей, отецъ,
Моей несчастной матери, которой
Сегодня ихъ придется испытать
Изъ-за меня вторично, сжалься, сжалься!..
Парисовъ бракъ! Елена... Развѣ жъ я
Тутъ виновата чѣмъ-нибудь? Откуда жъ
Твой приговоръ?
Ты сердишься, отецъ?
Ты не глядишь, о если смерти надо
Меня обнять, дай унести въ могилу
Наслѣдіе мое, твое лобзанье...
Что жъ я еще придумаю сказать?
Для смертнаго отрадно видѣть солнце,
А подъ землей такъ страшно... Если кто
Не хочетъ жить,—онъ боленъ: бремя жизни,
Всѣ муки лучше славы мертвеца.

Этотъ доводъ, казалось бы, самый сильный и самый общій, Ифигенія выставляетъ только въ самомъ концѣ своей мольбы, когда ни ея ласки ни малютка братъ не заставили отца отозваться. Такое построеніе монолога показываетъ, что не этотъ страхъ передъ смертью заставили ее искать спасенія въ словахъ: ее страшитъ не мракъ Аида, а гнѣвъ отца; потерять его любовь, и вмѣсто прежней ласки встрѣтить отъ него смерть—вотъ что страшно и мучительно для Ифигеніи[1]). И передъ нами не человѣкъ, жадно цѣпляющійся за утѣхи жизни, а дитя, привыкшее купаться въ лучахъ отцовской ласки и вдругъ увидившее надъ собою ножъ, занесенный рукой чѣмъ-то разгнѣваннаго на своего ребенка отца. И первый порывъ Ифигеніи — разсѣять эту тучу необъяснимаго для нея гнѣва.

Въ отвѣтъ на это она слышитъ отъ отца еще болѣе странныя для нея въ ту минуту рѣчи:

Дитя мое... Эллада мнѣ велитъ
Тебя убить... ей смерть твоя угодна;
Хочу ли я, иль нѣтъ, ей все равно:
О мы съ тобой ничто передъ Элладой,
Но если кровь, вся наша кровь, дитя,
Нужна ея свободѣ, чтобы варваръ
Въ ней не царилъ и не безчестилъ женъ,
Атридъ и дочь Атрида не откажутъ.

И отецъ не обманулся въ своей дочери. Пока идутъ всѣ страшныя приготовленія къ жертвѣ и мать напрасно хочетъ ихъ остановить, пока Ахиллъ пытается всѣмъ пламенемъ своего благородства усмирить толпу, жаждущую крови, дочь Атрида выросла и передъ зрителемъ ужъ больше не ребенокъ, только что робко прятавшійся въ складкахъ материнской одежды, а свободная дочь всей великой Эллады. Она прозрѣ-

---

[1]) На этотъ смыслъ ея монолога указалъ *И. Ѳ. Анненскій* въ статьѣ «Посмертная Ифигенія Эврипида». Ж. М. Нр. Пр. 1898 № стр. 89.

ла, что руку ее отца ведетъ священная воля всего народа, а для него она готова отдать свою жизнь. Волна сознанной святости долга захватила ее и подняла на высоту, куда не подняться ни испугамъ матери ни отвагѣ жениха. Властной рукой отстраняетъ ихъ помощь Ифигенія и внезапно расцвѣтшая въ ней дочь свободнаго народа говоритъ:

Стойте! Выслушай, родная,
Все, что въ сердцѣ я скопила. На Атрида гнѣвъ напрасный
Ты оставишь! Отбиваться, гдѣ ужъ намъ съ тобой, былинкамъ!
Въ мужѣ, (*указывая на Ахилла*) правдою и силою намъ довольно любоваться,
И его, скажи, родная, развѣ смѣемъ не беречь мы?
Развѣ бой безплодный стоитъ тѣхъ несчастій, что таитъ онъ?
О, въ душѣ пережила я много, много, мать. Послушай:
Я умру... не надо спорить, но пускай, по крайней мѣрѣ,
Будетъ славной смерть царевны, безъ веревокъ и безъ жалобъ.
На меня теперь Эллада, вся великая Эллада
Жадно смотритъ; въ этой жертвѣ беззащитной и безсильной
Все для нихъ: попутный вѣтеръ и разрушенная Троя;
За глумленье надъ Еленой, за нечестіе Париса
Въ ней и кара для Фригійцевъ и урокъ для ихъ потомства,
Чтобъ не смѣлъ надменный варваръ красть замужнюю гречанку.
Умирая, я спасу васъ, жены Греціи, въ награду
Вы меня блаженной славой, жены гордыя, почтите.
А еще... прилично ль смертной быть такой жизнелюбой?
Развѣ ты меня носила для себя, а не для грековъ?

Иль, когда Эллада терпитъ, и безъ счета, миріады
Ихъ, мужей, встаютъ готовыхъ весла взять, щитомъ закрыться
И врага схватить за горло, а не дастся, быть убитымъ,
Мнѣ одной, за жизнь, цѣпляясь, имъ мѣшать? О нѣтъ, родная!.
А куда жъ я правду дѣну? Развѣ съ истиной союришь?
Ну скажи мнѣ, будто стоитъ противъ всѣхъ аргосцевъ мужу
Изъ-за женщины сражаться? быть убитымъ, можетъ статься?
Да одинъ ахейскій воинъ стоитъ насъ десятковъ тысячъ.
Погоди еще... родная... если я угодна въ жертву
Артемидѣ, развѣ спорить мнѣ съ богиней подобаетъ?
Что за бредъ! О я готова... Это тѣло даръ отчизнѣ,
Вы жъ Аргосцы, послѣ жертвы, сройте Трою и сожгите,
Чтобы прахъ ея могильный сталъ надолго мнѣ курганомъ
Все мое тамъ, въ этомъ прахѣ: бракъ и дѣти, честь и имя...
Грекъ цари, а варваръ гнися! Неприлично гнуться грекамъ
Передъ варваромъ на тронѣ. Мы—свободны, въ Троѣ—рабство.

Въ этой вдохновенной рѣчи народной героини нѣтъ и слѣда отъ прежней робости безпомощнаго ребенка. Между первымъ появленіемъ Ифигеніи на сцену и ея рѣшеніемъ цѣной жизни спасти честь и славу родной страны Эврипидъ уложилъ всю исторію женскаго сердца, способнаго подъ вліяніемъ любимаго человѣка [1]) подниматься на крайнія вершины

[1]) Значеніе этого вліянія со стороны Агамемнона на переломъ въ характерѣ Ифигеніи особенно удачно подчеркнулъ *Ѳ. Ф. Зѣлинскій* въ

самопожертвованія. Поэтому то онъ и возложилъ на безпомощную дѣву великое дѣло спасенія родины. Вотъ кого считалъ онъ достойнымъ явиться представителемъ и защитникомъ національной идеи свободной Эллады на глазахъ у ея сосѣдей[2]): онъ былъ увѣренъ, что въ сердцѣ его соотечественницъ найдется достаточно силъ и благородства для осуществленія такого великаго подвига, и созданная этой вѣрой поэта въ греческую женщину Ифигенія должна была послѣ смерти Эврипида явиться самой краснорѣчивой защитницей поэта отъ обвиненія въ личной ненависти къ женщинамъ.

До Эврипида миѳъ объ Ифигеніи разрабатывали оба его предшественника: Эсхилъ[1]) и Софоклъ[2]); изъ нихъ второй, повидимому, касался въ своей трагедіи той же самой части миѳа, которая использована Эврипидомъ въ его „Ифигеніи въ Авлидѣ" [3]). Сообщеніе Аристотеля[4]) о разработкѣ этого миѳа у Поліида дѣлаетъ болѣе правдоподобнымъ предположеніе, что у этого софиста была затронута часть сказанія, происходящая уже въ Тавридѣ.

При такомъ состояніи нашихъ свѣдѣній о предшествовавшихъ Эврипиду обработкахъ того же самаго сюжета очень трудно опредѣлить, что новаго внесъ Эврипидъ въ его разработку но поскольку намъ извѣстны вообще особенности его пользованія миѳологической традиціей, является, болѣе чѣмъ правдоподобнымъ предположеніе, что перерожденіе Ифигеніи и сознательность ея подвига принадлежатъ къ числу

своей характеристикѣ Ифигеніи см. его сборникъ: изъ жизни идей. Спб. 1905. томъ I стр. 50 сл.

[2]) По мнѣнію *P. Girard* эта трагедія предназначалась Эврипидомъ для постановки не въ Аѳинахъ, а въ Діонѣ въ присутствіи магнетовъ. См. Revue des études grecques (1904) XVII p. 162.

[1]) Отрывки у A. Nauck. TGF^2 p. 31. № 94.

[2]) ibid. p. 197. №№ 287— .

[3]) См: fr. 284.

[4]) Ars poet. 1455 a, b.—Nauck ibid p. 71.

тѣхъ частей трагедіи, на которыхъ отразилась побѣда личнаго творчества надъ поэтической традиціей.

Для другой своей трагедіи Эврипидъ выбралъ въ героини женщину, которую бурный темпераментъ, цѣлый рядъ ужасныхъ несчастій и разочарованій должны были заставить почувствовать съ особенной силой безправное положеніе женщины. Его Медея, принужденная по пріѣздѣ въ Аѳины забыть свою прежнюю свободу и отдать соперницѣ первое мѣсто и въ сердцѣ своего возлюбленнаго и въ его домѣ, такъ жалуется на женскую участь [1]):

Между тѣхъ, кто дышитъ и кто мыслитъ
Насъ, женщинъ нѣтъ несчастнѣй. За мужей
Мы платимъ, и не дешево. А купишь,
Такъ онъ тебѣ хозяинъ, а не рабъ.
И перваго второе горе больше.
А главное—берешь вѣдь наобумъ:
Порочен онъ иль честенъ, какъ узнаешь?
А между тѣмъ уйти—тебѣ жъ позоръ,
И удалить супруга ты не смѣешь.
И вотъ женѣ, вступая въ новый міръ,
Гдѣ чужды ей и нравы и законы,
Приходится гадать, съ какимъ она
Постель созданіемъ дѣлитъ. И завиденъ
Удѣлъ жены, коли супругъ ярмо
Свое несетъ покорно. Смерть иначе.
Вѣдь мужъ, когда очагъ ему постылъ,

---

[1]) Подробный разборъ ея характера у Эврипида я далъ въ приложеніи къ переводу книги *К. Боринскаго* Театръ. СПБ. 1902 стр. 126—133, здѣсь отмѣчу только, что *U. Wilamowitz* (Hermes XXXV p. 549) преувеличилъ вліяніе характера Медеи, ея происхожденія и знакомства съ колдовствомъ, на ея неудовлетворенность положеніемъ женщины. На ея мѣстѣ и всякая гречанка, далекая отъ волшебныхъ чаръ и преступленій, такъ же мало могла бы удовольствоваться своей участью. См. особенно ст. 252.

На сторонѣ любовью сердце тѣшить;
У нихъ друзья и сверстники, а намъ
Въ глаза глядѣть приходится постылымъ.
Но говорятъ, что за мужьями мы,
Какъ за стѣной, а имъ грозятъ мечъ, копья.
Какая ложь! Три раза подъ щитомъ
Охотнѣе стояла бъ я, чѣмъ разъ
Одинъ родить. (ст. 230—251).

Здѣсь данъ отвѣтъ на жалобы мужчинъ о томъ рискѣ, съ которымъ связанъ бракъ· не менѣе рискуетъ и жена, входя въ чуждый для нея домъ мужа. Властная натура Медеи заставляетъ ее искать не только равенство съ мужемъ, но и власти надъ нимъ (242 ст.). Такимъ образомъ въ ея лицѣ мы встрѣчаемся съ одной изъ тѣхъ деспотическихъ и честолюбивыхъ женъ, жалобы на гнетъ которыхъ такъ обычны и въ комедіи и у Эврипида (см. выше). Бѣдствіе Медеи только увеличивается тѣмъ, что она въ дали отъ родины, въ дали отъ близкихъ и не съ кѣмъ ей найти помощь и защиту въ своемъ несчастьи. Но положеніе и остальныхъ женщинъ, на ея взглядъ, не многимъ лучше (см. ст. 252).

Не надо однако не на минуту упускать изъ виду, что эти жалобы Эврипидъ вложилъ въ уста Медеи, покинутой Язономъ, когда она испытала непрочность личнаго счастья, купленнаго такой дорогой цѣной, и когда она увидала, что золотая цѣпь любви, которой она раньше привязывала къ себѣ сердце Язона, порвалась и перешла въ руки счастливой дочери коринѳскаго царя. Потерявъ всякую власть надъ его сердцемъ и выпивъ всю горечь обидъ покинутой возлюбленной, Медея отъ сознанія своего несчастья переходитъ къ мысли о жалкомъ положеніи всѣхъ женщинъ вообще.

Зато такихъ жалобъ мы не услышимъ отъ его Андромахи. Счастливая жена великаго Гектора потеряла все въ день гибели Иліона. Съ царскаго трона она спустилась на скорбное ложе

рабычи и вынуждена отдавать свои подневольныя ласки тому Неоптолему, отецъ котораго убилъ ея милаго мужа. Дочь Менелая, Герміона, законная жена Неоптолема, жестоко ее преслѣдуетъ и ищетъ въ ея чарахъ отвѣта на холодность мужа. Но лучи прежней любви еще согрѣваютъ сердце Андромахи и въ нихъ она находитъ себѣ утѣшенье и отсюда же почерпаетъ она урокъ для самой Герміоны.

Если мужъ не любитъ, колдовство
Напрасно ты винишь—свою негодность
Вини скорѣй. Есть зелья въ насъ самихъ—и не краса, не думай—сердца чары
Плѣняютъ духъ мужей. Твое жъ едва
Дыханье зазвучитъ, ты Спарту славишь,
А домъ царя порочишь. Ты одна
Богатая, всѣ нищіе и выше
Пелида Менелай. Вотъ отчего
Царю ты не угодна.
Женамъ надо
Любишь мужей и слабыхъ, и сердецъ
Имъ не тревожить спорами. А что,
Когда бъ царю Ѳракійскому была ты
Въ страну потоковъ снѣжныхъ отдана,
Гдѣ дѣлитъ мужъ межъ женъ, и многихъ, ложе?
Чтожъ? Иль и тамъ соперницъ истреблять
Искала бъ ты? Чтобъ укоряли женъ
Изъ-за тебя въ неутолимой жаждѣ?
Кто жъ не пойметъ, что женщинѣ больнѣй
Ея недугъ любовный, чѣмъ мужчинѣ,
Но мы таить его умѣемъ. О,
О Гекторъ мой! Когда порой Киприда
Тебя съ пути сводила, я тебѣ
Прощала увлеченія, я рожденнымъ
Соперницей не разъ давала грудь...

Я не хотѣла, чтобъ осталась горечь
Въ твоей душѣ: лишь нѣжностью
Тебя я возвращала ложу. Ты жъ, царица,
Надъ мужемъ ты дрожишь... Росѣ небесъ
Своею каплей нѣжной не даешь ты
Его коснуться даже. Берегись,
Чтобъ мужелюбьемъ матери [1]) тебѣ
Не превзойти. Нѣтъ, дѣтямъ, если разумъ
Въ нихъ не погасъ, съ порочныхъ матерей
Не брать бы, кажется, примѣра лучше [2]).

И рабыня Андромаха чувствуетъ себя неизмѣримо выше и счастливѣе своей несчастной властительницы—царицы.

Любовь къ почившему Гектору даетъ ей силы и въ плѣну и воспоминаніе о немъ живетъ и окрашиваетъ ей убогую долю, дѣлая ее завидной для многихъ неудачницъ брака.

Свой идеалъ жены Эврипидъ повѣдалъ въ другой трагедіи „Алкестѣ" (поставлена въ 438 г.). Поэтъ воспользовался для нея сказаніемъ, какъ богъ Аполлонъ выпросилъ у богинь судьбы позволеніе благочестивому царю Адмету купить себѣ право на жизнь смертью кого-либо изъ близкихъ. Но найти такого замѣстителя оказалось очень труднымъ.

Царь испыталъ всѣхъ присныхъ: ни отца,
Ни матери не миновалъ онъ старой,
Но друга здѣсь въ одной женѣ обрѣлъ
Кто бъ возлюбилъ Аидовъ мракъ за друга
(ст. 15—18).

---

[1]) Т. е. знаменитой Елены.

[2]) Ст. 205—231. Переводъ этой трагедіи еще не опубликованъ И. Ѳ. Анненскимъ и я считаю себя обязаннымъ здѣсь еще разъ поблагодарить ученаго поэта за любезно доставленную возможность украсить свою рѣчь выдержками изъ его перевода и этой трагедіи.

И трагедія посвящена прощанію этой „лучшей изъ женъ“ съ семьей и жизнью. Для современнаго читателя согласіе Адмета купить жизнь цѣною смерти близкихъ является непонятнымъ и отвлекаетъ отъ этого пассивнаго героя наше сочувствіе [1]). Но вспомнимъ слова Ифигеніи, что „одинъ ахейскій воинъ стоитъ насъ десятковъ тысячъ“ (ст. 1394), вспомнимъ силу общиннаго начала въ древней Греціи а главное жалкую участь дѣтей безъ отца, нарисованную уже Андромахой въ Иліадѣ при прощаньѣ съ Гекторомъ, вспомнимъ все это и мы простимъ Адмету его желанье удержать жизнь и отдадимъ ему наше сочувствіе такъ же свободно, какъ оно шло къ нему отъ аѳинскихъ зрителей.

Тогда мы не будемъ уже тщетно желать, чтобы Адметъ поскорѣе отказался отъ ужасной жертвы своей жены и его молчаливое присутствіе не помѣшаетъ намъ жадно вслушаться въ прощальную рѣчь Алкесты.

Припавъ на ложе и обнявъ своихъ малютокъ, Алкеста такъ прощается съ супругомъ:

Еще живу, Адметъ; ты видишь, какъ.
Послѣднюю пора повѣдать волю:
Я жизнь твою достойнѣе своей
Сочла, Адметъ, и чтобы могъ ты видѣть
Лучи небесъ, я душу отдала.
О, жить еще могла бы я и мужа
Въ Ѳессаліи избрать себѣ по мысли,
Съ нимъ царскій домъ и радости дѣлить

---

[1]) Поэтому всѣ поэты, обрабатывавшіе послѣ Эврипида эту легенду, отъ Ганса Сакса до Гердера включительно заставляли Алкесту пожертвовать своею жизнью за мужа безъ его вѣдома См. *L. Bloch*. Alkestistudien. N. Iahrbücher f. Klass. Altertum VII (1901) p. 36. Онъ же указалъ (ibid pp. 45 sq) на тѣ древнѣйшіе общеарійскіе обычаи, которые лежатъ въ основѣ миѳа, совершенно измѣнившагося ко времени Эврипида.

Но мнѣ не надо жизни безъ Адмета
Съ сиротами. И юности усладъ
Я не хочу съ тобой не раздѣленныхъ....
И я могла бы жить, да и тебѣ
Оплакивать жены бъ не приходилось,
Съ сиротами вдовѣя... Видно такъ
Кто изъ боговъ судилъ... Да будетъ воля
Его. А мнѣ одно ты обѣщай.
Я не прошу о многомъ—хоть цѣннѣе,
Чѣмъ жизни даръ, у человѣка нѣтъ...
Ты скажешь самъ Адметъ, что справедливо
Желаніе мое... Люби дѣтей,
Какъ я люблю ихъ. Ты ихъ любишь? Правда?
Вѣдь не безумецъ ты? О сохрани
Для нихъ мой домъ! Ты мачихи къ сиротамъ
Не приводи, чтобъ въ зависти дѣтей
Моихъ она, Адметъ, не затолкала,
Не запугала слабыхъ... И змѣя
Для пасынковъ ея не будетъ злѣй.
Пусть сынъ въ отцѣ защитника найдетъ,
А ты, дитя (*привлекаетъ съ лаской дочь*), когда невѣстой будешь,
Въ женѣ отца найдешь ли мать? Тебя
Убережетъ ли чистой? Доброй славы
Твоей не опорочитъ ли, и бракъ
Не сгубитъ ли, надежду цѣлой жизни?
Увы! Не мнѣ невѣстой жениху
Тебя вручать и въ мукахъ материнства
Не мать тебя поддержитъ, а милѣй
Нѣтъ ничего родимой въ этихъ мукахъ..,
Я умереть должна. И смерть придетъ
Не завтра... Мнѣ и дня прожить не надо,
Минута—и Алкесту назовутъ
Средь тѣхъ, кто жилъ....
Да будетъ счастье съ вами

Съ тобой Адметъ: ты добрую жену
Имѣлъ—гордись. Вы жъ дѣти, материнской
Живите славой свѣтлы на землѣ [1]).

Она уноситъ съ собой всѣ радости жизни для своего спасеннаго мужа. Не одна изъ дѣвъ не назоветъ его супругомъ. Пиры и шутки, веселый округъ друзей забудетъ онъ (ст. 330, 343, 344) и въ грезахъ объ ушедшей онъ будетъ искать себѣ успокоеніе. Всѣ его мысли будутъ теперь въ Аидѣ и онъ хочетъ услыхать отъ нея утвердительный отвѣтъ вотъ на какой вопросъ:

Ты будешь ждать меня? Не такъ ли? Домъ ты
Для насъ тамъ приготовишь, чтобъ его
Дѣлить со мной, когда умру? а въ мірѣ
Въ одинъ кедровый гробъ похоронить
Обоихъ насъ велю я. Съ милой рядомъ
Въ немъ лягу я, и смерть не разлучитъ
Съ подругою меня неизмѣнившей [2]).

Эта сцена вполнѣ уясняетъ намъ, что заставило Алкесту сойти въ Аидъ вмѣсто своего супруга: она любитъ его такъ сильно,—что его смерть въ то же время и ея смерть (287) и въ ея лицѣ мы чуть ли не впервые встрѣчаемъ на подмосткахъ европейскаго театра женщину, которую съ жизнью связываетъ только жизнь любимаго ей человѣка. Зато впослѣдствіи это станетъ шаблономъ и изъ аѳинской поэзіи перейдетъ въ литературу Возрожденія, къ Шекспиру, и романтикамъ съ тѣмъ, чтобы отъ времени до времени повторяться и въ наши дни. Неизвѣстно только, какая доля вліянія на долговѣчность этого мотива принадлежитъ поправу Эврипиду.

---

[1]) Ст. 280—289. 295—325.

[2]) Ст. 363—368.

Но Алкеста не только любящая жена. Еще сильнѣе наполнено ея сердце любовью къ дѣтямъ и сознанье, какъ много потеряютъ они въ отцѣ, заставляетъ ее спѣшить уйти вмѣсто него въ Аидъ. Не ревнивая боязнь отдать свое брачное ложе новой хозяйкѣ, а страхъ за участь своихъ крошекъ въ рукахъ злой мачихи мучительно сжимаетъ ея сердце въ предсмертную минуту. Для вѣрности она напоминаетъ дѣтямъ про обѣщаніе отца не дать хозяйничать надъ ними чужой женщинѣ (ст. 371 сл.).

Сограждане Адмета и его служавки наперерывъ спѣшатъ заявить, что это „лучшая изъ женъ подъ солнцемъ дальнимъ“ (ст. 151—155) и хоръ въ своихъ пѣсняхъ славитъ величіе ея подвига [1]):

О если бы могъ я, о боги!
Къ свѣту вернуть царицу
Изъ теремовъ Аида,
Отъ стонущихъ водъ Кокита!
Нѣтъ тебѣ равной въ женахъ,
Нѣтъ той любви больше,
Если въ юдоль мрака,
Мужа смѣнивъ, войдешь ты,

(ст. 455—463).

И зависть къ счастливому жребію Адмета невольно проникаетъ въ пѣснь хора:

Вотъ если бъ такою подругой
Украсить могъ бы я вѣкъ свой,
—Увы, то не частая доля.—
Не знали бы съ ней мы горя,
Покуда бы дни дѣлили [2]).

---

[1]) Ср. ст. 624.

[2]) Ст. 473—475.

Даже отецъ Адмета долженъ признать, что „въ подобныхъ женахъ—сокровище, а на иной не стоитъ и жениться“ (628).

Боги простерли до конца свою милость на Адмета: они не только приняли выкупъ за его жизнь, но и вернули ему Алкесту и онъ кончаетъ пьесу радостнымъ приказомъ:

Вы, граждане всѣхъ четырехъ концевъ
Ѳессаліи, почтите хороводомъ
Счастливый день и жиръ на алтаряхъ
Пускай, дымясь богамъ, отраденъ будетъ.
Я жъ зависти небесной не боюсь
И солнцу говорю: „Смотри—я счастливъ“.
(Ст. 1154—1168).

А зритель, пережившій вмѣстѣ съ Адметомъ минуты безысходной скорби, которую смѣнила величайшая радость при видѣ возвращенной богами Алкесты, уходя изъ театра, невольно повторялъ послѣднюю пѣснь хора:

Воли небесной различны явленья,
Смертный не можетъ ее угадать,
Много проходитъ безслѣдно надеждъ,
Многое боги нежданно даютъ.

Эти три образа: Ифигеніи, Андромахи и Алкесты должны снять съ Эврипида такъ долго тяготѣвшее подъ нимъ обвиненіе въ женоненавистничествѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ же должны хотя отчасти снять съ него обвиненіе и гораздо болѣе тяжелое и отвѣственное для всякаго поэта: обвиненіе въ тенденціозности. Монологъ Ипполита и монологъ Ифигеніи могутъ принадлежать одному и тому же драматургу только въ томъ случаѣ, если его интересуетъ при выборѣ сюжета не проведеніе какихъ-нибудь партійныхъ ученій, а безпристрастное воспроизведеніе всей жизни во всей ея полнотѣ. Въ репертуарѣ, художника, творящаго во имя такой высшей правды, должны одинаково найти себѣ мѣсто

отклики самыхъ разнообразныхъ міросозерцаній, настроеній и вкусовъ.

Если мы захотимъ отъ пьесъ перейти къ ихъ автору, то здѣсь сравненіе Эврипида хотя бы съ Аристофаномъ лучшее всего должно намъ открыть доступъ въ міръ личныхъ идей поэта. Едва ли кто станетъ настаивать на особенномъ сочувствіи Аристофана современному ему движенію въ пользу женщинъ. И въ тоже время трудно повѣрить, чтобы на политрѣ Эврипида могли найтись краски для созданія Ифигеніи или Алкесты, если бы его сердце было полно вражды и презрѣнія къ женщинамъ и если бы его міросозерцаніе не возвышалось надъ общимъ уровнемъ его современниковъ со всей мелочностью и узостью ихъ предразсудковъ.

Мы знаемъ, что на зорѣ XIX-го вѣка Гете своими великими трагедіями гораздо больше помогъ дѣлу освобожденія нѣмецкой женщины, чѣмъ Руссо и вдохновленная имъ тенденціозная драма [1]). Хочется вѣрить, что и съ высоты античной сцены свѣтлыя героини Эврипида сумѣли пробудить въ сердцахъ его зрителей „чувства добрыя“ съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ отвлеченная проповѣдь его друга Сократа.

Прошло двадцать пять вѣковъ съ той поры, какъ на сценѣ аѳинскаго театра Діониса хохотала сатира Аристофана и въ противовѣсъ ей двигались скорбныя, но мощныя тѣни, вызванныя къ жизни Эврипидомъ.

Смѣлыя женщины, давшія пищу насмѣшкѣ Аристофана, на вѣки исчезли, тогда какъ лучи поэзіи окружили безсмертіемъ героинь Эврипида и не мало поэтовъ другихъ странъ и другихъ временъ поддерживали ихъ блестящую и почетную жизнь на сценѣ міроваго театра и съ его подмостокъ онѣ до сихъ поръ будятъ сердца человѣчества, призывая ихъ на новую любовь и на новое состраданье.

---

[1]) *A. Eloesser* Das bürgerliche Drama. Berlin 1898 p. 31.

Едва ли можно видѣть здѣсь одну только капризную игру волнъ исторіи, высоко поднимающихъ надъ жизненнымъ моремъ одни имена и безслѣдно поглащающихъ другія. Лисистрата, Праксагора и ихъ единомышленницы искали свое счастье, опираясь только на разумъ и вѣря въ силу только писаныхъ законовъ. Героини Эврипида пошли по дорогѣ, указанной Антигоной и жили и умерли ради иныхъ, высшихъ, неписанныхъ законовъ. Эти законы открыла имъ любовь: Ифигеніи любовь къ отцу и свободѣ родины, Алкестѣ и Андромахѣ любовь къ супругу и къ дѣтямъ.

И сравнивая ихъ судьбу съ судьбой единомышленницъ Праксагоры, невольно вспоминаешь великаго поэта, учившаго, что:

Смерть и время царятъ на землѣ.
Ты владыками ихъ не зови.
Все кружась, исчезаетъ во мглѣ:
Неподвижно лишь солнце любви.

